

18+ Татьяна Сороколетова

Майны Петроградки

Историк Марьяна Красовская
...городу на Неве посвящается...

Татьяна Сороколетова

Тайны Петроградки

«Издательские решения»

Сороколетова Т.

Тайны Петроградки / Т. Сороколетова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Варвара наследует квартиру на Петроградской стороне и оказывается в плену мрачных тайн рода. В стенах дореволюционного жилья таятся отголоски темных дел предков и узоры семейного проклятия. Расследуя прошлое, героиня выходит на след событий 1913 года. Готическая атмосфера, интриги тайных обществ и опасные открытия ведут к новой беде.

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Глава III	29
Глава IV	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тайны Петроградки

Татьяна Сороколетова

Иллюстратор Обложка и иллюстрации созданы с помощью ИИ. Редактор: Aichnayabot, модель Google Nana Banana2

© Татьяна Сороколетова, 2026

© Обложка и иллюстрации созданы с помощью ИИ. Редактор: Aichnayabot, модель Google Nana Banana2, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0487-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Санкт-Петербург.

Наши дни.

Роскошные пионы ярким букетом рассыпались по сырой деревянной скамье. Капли дождя, застывшие в длинных лепестках, завораживающе сияли на солнце. Июнь. Месяц пионов и клубники. Ароматная ягода стояла тут же, на краю скамьи в плетеной берестяной корзине. Умытая дождем, она выглядела сияющей и источала характерный аромат лета. Неторопливо шагали к скамье ноги, в ярко-желтых резиновых сапогах с нарисованными по бокам голенищ алыми мухоморами. Старческие руки аккуратно брали ветки пионов и садовыми ножницами отсекали плотные стебли. — Красота какая!!!! Божественные кусты в этом году! Белые, розовые, лимонные! Прелесть! — послышался мягкий грудной голос.

Стебли тихо падали в подставленное ведро, а составленная композиция, послушно отправлялась в керамическую вазу. Закончив с цветами, пожилая женщина выпрямилась, потянула руки вверх и подставила на несколько секунд лицо солнцу. Собрав в охапку корзину и вазу, она неспешно отправилась в сторону небольшого домика, выкрашенного в ярко-голубой цвет. Этот дом был самым приметным, и каждый кто въезжал на территорию посёлка, непременно обращал на него внимание.

Хозяйка его, Светлана Вениаминовна Морокова заслуженно пользовалась большим уважением. Почетный преподаватель главного университета города, доцент кафедры регионоведения исторического факультета, она была едва ли не самым важным человеком в округе. Любой вопрос: будь то бытовые проблемы с отводом воды, или же консультация по вопросам архитектурного облика Санкт-Петербурга — всё решалось через неё. Выйдя на заслуженный отдых, Светлана Вениаминовна организовала пешие экскурсии по Северной столице и с упоением рассказывала туристам о каждом уголке любимого города. Но одна традиция оставалась неизменной — каждый июнь она жила уединенно на даче и, любовалась цветением пионов. С этими цветами у нее были связаны особые чувства томной ностальгии. В далекие семидесятые годы, студентка Света влюбилась в молодого и амбициозного юношу по имени Антон. Однажды, в ее девятнадцатый день рождения, морозным зимним днем Антон возник на пороге дома Светы с охапкой... пионов!!! В тот момент девушка окончательно поняла, что это именно тот человек, который станет ее мужем. Спустя пару лет они поженились, в семье появилось двое детей, а любовь их с годами крепла все сильнее. Антон и Светлана сделали успешную карьеру, добились признания в профессиональной сфере, и казалось бы могли жить долго и счастливо, умерев в один день. Но... зачастую в сценарий жизни вписывается случай, который коренным образом меняет ход судьбы. В то предрассветное утро Светлана проснулась от нестерпимого удушья. Она физически ощущала на своей шее чьи-то стальные пальцы, которые вцепились в ее артерии и пережимали их с бешеной силой. Она присела на кровати, закашлялась и потеряла шею руками. Наваждение повторилось, и страх проник в сердце с удвоенной силой. Место рядом с ней пустовало. Ранним утром муж ушел на рыбалку и обещал прийти к завтраку. Время шло, но Антона всё не было. Позже стало известно, что на воде произошел несчастный случай и ее супруг погиб. Врачи зафиксировали смерть в районе семи утра, в то самое время, когда Светлана мучаясь от удушья, с ужасом понимала, что происходит нечто страшное. После смерти любимого, Светлана Вениаминовна посвятила свою жизнь детям и науке. Старшая Марьяна, выросла достойной заменой родителям. Старший преподаватель университета, она кропотливо изучала историю Ленинградской области, и писала кандидатскую диссертацию. Обладая пытливым умом, она обожала тайны и загадки истории. Станислав же окончил факультет юриспруденции и успешно трудился на поприще продажи недвижимости. Он мог часами рассказывать потенциальным покупателям о доходных домах Петроградской стороны, добавляя щепотку

тайн и мистицизма, связанных с теми местами. Дети выросли диаметрально разными личностями. Станислав с детства рос болезненным и капризным ребёнком, в то время как Марьяна отличалась бойким нравом и любопытностью. Светлана Вениаминовна с любовью смотрела на них и каждый раз непременно отмечала, как часть ее мужа отражалась в них.

Последний букет был оформлен, и теперь композиция утопала в высокой керамической вазе. Светлана Вениаминовна отошла на шаг назад и, залюбовалась видом, который ей открылся. Большой круглый стол, установленный на открытой террасе был достоин кисти мастера. Голубая скатерть устилала конструкцию из коричневого дуба, в центре стояла ваза с розово-белыми пионами, чайные пары из фарфора расположились по углам стола. Завершающим мазком мастера было блюдо с садовой клубникой и яблочный пирог, заботливо выложенный на плоскую тарелку со стеклянной крышкой. Тихий шелест гравия оповещал о прибытии самого дорогого гостя. Белый «Naval» остановился около дома с резными голубыми ставнями. Из открывающейся двери автомобиля показалась нога в ярко-желтых резиновых сапогах с нарисованными по бокам голенищ, алыми мухоморами, а затем и сама гостья. Высокая, статная, с короткими рыжими волосами, и жгуче-зелеными глазами под тон кофты, перед матерью предстала Марьяна Красовская. Старшему преподавателю исторического факультета было тридцать шесть лет. Лицо её сохраняло свежесть раннего утра, стройная фигура не выдавала в ней возраста более тридцати, а жизнерадостный нрав невозможно было скрыть: блеском в глазах Марьяна заражала всех вокруг.

— Марьяша, здравствуй! — всплеснула руками Светлана Вениаминовна. — Как дорога? Не сильно размыло после дождя?

— Да ничего, мам, — улыбнулась Марьяна. — Кое-где лужи, конечно, стояли, но «Хавал» всё выдержал. Зато посмотри, что я тебе привезла! — Она протянула матери небольшой сверток в крафтовой бумаге, перетянутый бечевкой. — Помнишь, ты говорила, что в саду не хватает какого-то особого оттенка? Я в одном питомнике увидела пион редкого сорта — бутоны почти сиреневые, как рассветный туман. Решила, что ему у тебя самое место.

Светлана Вениаминовна бережно приняла подарок, ее пальцы чуть дрогнули, коснувшись бумаги.

— Сиреневый... — тихо повторила она, и в глазах мелькнуло что-то далекое, словно отголосок из прошлого. — Папа когда-то мечтал, чтобы у нас в саду был пион такого оттенка... Говорил, что это цвет тишины перед рассветом — самый честный цвет на свете.

Марьяна мягко коснулась ее плеча:

— Значит, теперь будет. Давай я помогу его посадить? А потом посидим на террасе, попьем чаю с твоим пирогом... Я так соскучилась по этому месту, по запаху дождя и цветов, по тому, как время тут замирает.

Светлана Вениаминовна кивнула, смаргивая внезапную влагу, и вдруг рассмеялась легким, почти девичьим смехом:

— Ну что ты, родная, стоишь? Проходи скорее, а то пирог остынет. Да и клубника такая сладкая — прямо с грядки! Рассказывай все: про диссертацию, про новые маршруты. А пион мы посадим рядом с тем кустом, где белые — пусть будет как продолжение истории.

И они, обнявшись, шагнули к террасе, где на голубой скатерти поблескивали фарфоровые чашки, а в высокой вазе гордо стояли розово-белые пионы. Молчаливые свидетели долгих лет, полных любви, потерь и тихой, упрямой надежды.

— М-м-м, твой фирменный яблочный пирог, — протянула Марьяна красивым грудным голосом, — запах детства, из нашей квартиры на Гороховой. Я помню, что каждое воскресное утро начиналось именно с его аромата.

— Это наш семейный рецепт. Жаль, что ты не тяготеешь к кулинарии, иначе я бы раскрыла тебе все тайны приготовления блюд, — подметила Светлана Вениаминовна, разливая кипяток по чашкам.

— Ты права, кулинария меня мало интересует. Я больше люблю историю, искусство и гончарное дело. Так скажем, тяготею к питанию души, но и тело полакомить я не против.

Они расселись по разным углам стола, друг напротив друга, и синхронно обхватили чашки руками.

— Расскажи, как дела в университете? Экзамены прошли, впереди приёмная комиссия. Много ли желающих изучать историю родного края?

— В этом году конкурс относительно небольшой: пять человек на место. Но и за него тоже предстоит борьба. Абитуриенты волнуются, преподаватели строги, в целом все как обычно. Эта история повторяется из года в год, но самый интересный этап начинается осенью, когда еще вчерашние школьники приходят в аудиторию и считают себя очень взрослыми. Люблю первокурсников! Они такие открытые, любопытные, искренние. В них еще есть желание учиться, спорить, выяснять, кто круче задаст вопрос преподавателю. Они, как птенцы, выброшенные на обочину, тыкаются носами в книги в преддверии первого зачета, — Марьяна засмеялась, вспоминая свой самый первый курс в качестве преподавателя.

— Что же Анфиса? Она решила, кем станет во взрослой жизни?

Марьяна ласково улыбнулась при упоминании имени дочери. Анфиса Красовская была типичным тинейджером, выросшей на современных гаджетах и навязываемой культуре. Ее страстью был Восток, аниме и мечта о татуировке дракона во всю спину. Марьяна терпеливо объясняла дочери, что подобные рисунки не красят будущую женщину, но ребенок упрямо стоял на своем. Мать терпеливо вздыхала и ждала наступления момента, когда это влечение пройдет само собой.

— Анфиса хочет стать востоковедом. Выучить японский язык, переехать в Токио и каждый год любоваться цветением сакуры.

— Значит, ничего не изменилось, — подметила Светлана Вениаминовна. — Молодец девочка, мне нравится ее упорство, она достойная замена нам.

— Не то слово! Упорная и порой вредная! Вся в отца, однозначно.

— Миша был достойным кандидатом на роль отца. Ты же знаешь, как я к нему отношусь, — Светлана Вениаминовна лукаво прищурилась и посмотрела на дочь. Марьяна прекрасно знала этот взгляд и уже предвкушала следующую фразу матери. — Может быть, ты все-таки подумаешь получше? Зачем зря время терять? Жизнь так коротка, а все мы люди и часто теряем контроль над собой из-за вспыхнувших мимолетных эмоций!

Михаил Красовский — бывший муж Марьяны. Их роман начинался стремительно и, как зачастую бывает, столь же быстро и завершился. Они познакомились на студенческой вечеринке и влюбились друг в друга с первого взгляда. Михаил был другом ее однокурсника и слыл в компании большим ловеласом. Марьяна ничего и слышать об этом не хотела и была слишком уверена в себе. Они поженились, будучи студентами, вскоре родилась дочь. Михаил быстро продвинулся по карьерной лестнице и занял свое место под солнцем. Как бы банально это ни звучало, но Марьяна узнала о его измене случайно. Гордыня и злость руководили ею во время бракоразводного процесса. Они изо всех сил старались сохранить здоровые отношения ради дочери, и, судя по постоянному присутствию Михаила в жизни Анфисы, им это удалось. После развода они оба не обрели семейного счастья и просто оставались родителями своего единственного ребенка. Светлана Вениаминовна не теряла надежды, что они вновь будут вместе и заживут как прежде, но гордая Марьяна ничего и слышать об этом не хотела.

— Мам! Эта тема давно закрыта. Я не хочу и не буду прощать предательство.

— Гордыня — грех! — не отступала мать.

— Смею напомнить, что блуд — тоже! Мы оба живем во грехе, настанет час — и расплатимся сполна! — Марьяна сладко зевнула и потянувшись прошла в дом.

Светлана Вениаминовна тяжело вздохнула ей вслед и, накрыв пирог крышкой, проследовала за дочерью.

Санкт-Петербург

1913 г.

Петербургская сторона

Стоявший в отдалении дом на Каменноостровском проспекте был незаметен со стороны прилегающей дороги. Огромные кованые ворота надежно скрывали его от любопытных глаз. Здание, выстроенное в стиле северного модерна, впечатляло заезжих провинциалов масштабом и роскошью. Гости города в буквальном смысле открывали рты, лицезрев очередной шедевр архитектуры.

Каждое утро старый дворник Порфирий Игнatieв исправно отворял ворота и принимался за дело. Он усердно вычищал листья с подъездных дорожек, обильно поливал клумбы с гортензиями и розами и только затем принимался за уборку парадных. Порфирий Игнatieв жил здесь же, в небольшом подсобном помещении — иными словами, дворницкой — и знал о доме и его обитателях практически все. Он не слыл болтуном и чужих секретов не выдавал. Один взгляд его огромных глаз из-под кустистых бровей осекал любого, желающего задать хоть один неудобный вопрос.

Ранним июльским утром, едва забрезжил рассвет на востоке, Порфирий Игнatieв распахнул дверь дворницкой и, огладив рукой белоснежный фартук, надетый поверх широкой рубахи и серых штанов, вышел во двор. День обещал быть жарким, а точнее — нестерпимо душным. Взяв в руки метлу, он отправился в сторону главной парадной. Подойдя ближе, он близоруко сощурился и наклонился. Около двери лежал бумажный сверток, перевязанный тугим шпагатом. Воровато оглядевшись по сторонам, он поднял его и недоверчиво покрутил в разные стороны. Любопытство взяло верх, и дворник медленно потянул за веревку. Внутри оказалась тряпичная кукла, сшитая неумелыми стежками из разноцветных лоскутов. Порфирий поморщился и, завязав сверток, спрятал его за пазуху, намереваясь тут же сжечь в печи. Подметая территорию, он отправился за жестяным ведром и, наполнив его водой, подошел к клумбе. Было около шести утра, когда со стороны проспекта послышался одинокий стук каблуков по мостовой. Дворник насторожился и повернул голову в сторону раздающегося звука. Вскоре около приоткрытых ворот дома появился юноша, от роду лет двадцати двух.

Он был одет в щегольский фрак черного цвета, под ним виднелась рубаша, ворот которой был прихвачен массивной синей брошью; голову покрывал цилиндр, а руки были облачены в черные перчатки и опирались на трость с набалдашником в виде царской короны. Один глаз незнакомца был скрыт под темной атласной повязкой, отчего весь образ его казался демоническим. Порфирий несказанно удивился второй раз за утро, и выражение его лица стало чуть придурковатым. Незнамец толкнул ворота и самоуверенной походкой прошел во двор. Подойдя к старику, он остановился и пронзительно посмотрел на него. Дворник отшатнулся и крепче ухватился за метлу. Казалось, юноша не заметил его реакции. Он всматривался в окна на четвертом этаже, периодически сжимая трость то в одной руке, то в другой. Порфирий замер, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. Незнамец выглядел как персонаж из дурного сна. Когда гость, опираясь на трость с увенчанным короной набалдашником, вошел во двор, дворник невольно приоткрыл рот. Порфирий, привыкший к тихой жизни, почувствовал, как метла в его руках стала единственной опорой в этом пошатнувшемся мире.

— Вы кого-то ищите в столь ранний час? — голос старика прозвучал хрипло, будто он только что очнулся от долгого оцепенения.

— Баронесса фон Збрах здесь живёт? — ответил незнамец. Его голос — тонкий, почти девичий — совершенно не вязался с суровым обликом и властной осанкой.

Порфирий поморщился. От этого человека веяло чем-то чужим, тревожным.

— Здесь, — буркнул он, стараясь не смотреть в единственный живой глаз собеседника. — Половина города знает, где она живет. Вы что, нездешний?

— Нездешний, — эхом отозвался гость, не сводя взгляда с окон четвертого этажа. — У них сегодня именины-с, верно? Много ли будет гостей?

Дворник попятился, чувствуя непреодолимое желание оказаться как можно дальше от этого странного визитера.

— Понятия не имею, — пробормотал он, сжимая черенок метлы до побелевших костяшек.

Но незнакомец вдруг подался вперед, сокращая дистанцию до минимума. Порфирия обдало ледяным дыханием, от которого пахло сырой землей и затхлостью склепа.

— Ты все знаешь, Порфирий, — прошепел гость, и в этом шепоте слышалось недоброе торжество. — И я все знаю. Скоро все изменится! И для барона, и для всей страны. Празднуют триста лет Дома Романовых?! Пусть празднуют, но скоро *все* рухнет! Старец уже ступил на эту землю, и время их вышло.

Незнакомец отошел и засмеялся мерзким приторным голоском, обнажая ряд белоснежных и ровных зубов.

— Сумасшедший! — пробормотал старик и набожно перекрестился.

— Не поможет! — все так же мерзко хихикая, продолжал мужчина. — И не смей сжигать куклу! Она не твоя!

На этих словах он резко развернулся и стал стремительно удаляться от испуганного Порфирия. Старик немощно моргал глазами, пытаясь избавиться от наваждения. Ему казалось, что мерзкий человек удаляется от него, не касаясь ногами земли.

Пелагея Павловна с самого утра готовилась к важному событию. Начищенная до блеска посуда сиротливо ожидала своего часа, выпотрошенные куропатки лежали тут же на краю стола.

Поставив на поднос кофейник, кухарка величественно проплыла в гостиную. Пелагея Павловна служила в доме барона фон Збрах почти четверть века и по праву считалась членом семьи. Не обзаведясь ни мужем, ни потомством, она всю жизнь посвятила этим людям, самозабвенно любя каждого из них.

Просторная гостиная была залита полуденным светом. Высокие окна были отворены настежь, отчего легкий гул города доносился в комнату. В углу на туалетном столике стоял патефон и приглушенно играл ненавязчивую мелодию. Наталья Константиновна вышивала очередную подушку, Владимир Николаевич сидел поодаль, положив ногу на ногу, и с интересом читал утреннюю газету.

— Ваш утренний кофий, господа! — возвестила кухарка и поставила поднос на столик.

— Благодарю! — отозвалась баронесса. — Пелагея, гости придут к четырем, дичь можно подавать в половине седьмого.

— Как прикажете, Наталья Константиновна.

Пелагея откланялась и быстро покинула гостиную. Едва войдя в кухню, она услышала стук с черного входа. Отворив дверь, она увидела на пороге испуганного дворника, что-то нервно сжимающего в руках.

— Пусти, Пелагея! Сказать нужно! Я уж сам к баринам не пойду, но дело дюже страшное, — Порфирий говорил сбивчиво и быстро, будто пытался поскорее высказаться.

Кухарка посторонилась и пропустила его внутрь. Дворник уселся на хлипкий стул и уставился в стену.

— Ну же! Говори! Чего уставился и молчишь?

— Жутко мне что-то сделалось сегодня утром, Полюшка! — последний слог он произнёс нараспев, отчего вся фраза прозвучала жалобно. Дворник в подробностях описал утреннего незнакомца и его сумасшедшие слова о крахе империи и семьи барона. Пелагея слушала, нахмурившись, попутно вытирая очередную тарелку.

— У вас же в доме сегодня именины? Откуда он это знает? Ой, Полюшка, до чего мерзкий человечиска был! В такую-то жару, да в перчатках! — сокрушался Порфирий.

— Надо сказать, по описанию вид у него довольно нечеловеческий! Перчатки, могильный холод от него исходил, глаза порченые... Ой, Порфирий, не с мертвяком ли ты встретился сегодня утром?

— Полюшка, — затрясся старик, — он когда отходил, будто летел и земли не касался! Я три раза крестным знамением себя осенил, а виденье не проходило.

— Ох, батюшки, да что ж это творится на белом свете... — Полюшка схватила старика за рукав, голос ее дрожал, а в глазах плескался неподдельный ужас. — Может, тебе померещилось от утреннего тумана да от сырости? Ну, бывает ведь тень ляжет не так, вот и чудится всякое...

— Да какое там померещилось! — Порфирий вырвал руку, лицо его искажилось от страха и обиды, будто его сочли выжившим из ума. — Я ж не пьяный, не сонный был! Стоял, как вкопанный, у калитки — и вдруг он из-за угла выплыл. Не шел, не бежал — именно выплывал, будто по воздуху скользил. А перчатки эти... кожа на них какая-то чешуйчатая, будто змеиная. И холод... такой, что у меня зубы застучали, хоть солнце уж всю палило.

Полюшка невольно оглянулась на темный угол кухни, словно боялась, что жуткое создание вот-вот появится и там.

— А глаз... — Порфирий понизил голос до шепота, будто боялся, что его услышат. — В нем и вовсе света не было. Зрачок-то вроде есть, а внутри пустота, черная, бездонная. И еще... мне почудилось, будто из этого глаза тонкие ниточки тянутся, прямо ко мне, будто душу вытягивает. Я аж за сердце схватился.

— Тише, тише, родной, — Полюшка попыталась говорить спокойно, но сама невольно перекрестилась, повторяя жест старика. — Давай-ка ты присядь, я тебе водицы принесу. Или лучше настойки калиновой, чтоб дрожь унять. Расскажи еще, куда он потом делся? Ты говорил, будто летел...

— Так и было! — Порфирий, не слушая про воду, вскочил со скамьи, размахивая руками. — Он ко мне шагнул, я аж спиной в забор вжался, думал, конец мне. А он вдруг приподнялся над землей, не больше чем на локоть, и поплыл прочь, вдоль забора. И тут ветер поднялся ни с того ни с сего, резкий, ледяной, листья закружились вихрем, а он... он растворился в этом вихре. Ни крика, ни шороха просто исчез, как его и не было. Только холод еще минут пять держался, даже когда солнце снова пригрело.

Полюшка медленно опустила на лавку, пальцы ее судорожно вцепились в край столешницы.

— Надо к отцу Серафиму сходить, — прошептала она, глядя куда-то мимо Порфирия. — Пусть он скажет, что это за напасть такая. Может, это... знак какой дурной. Или... — она запнулась, не решаясь произнести страшное слово вслух.

— Или покойник неприкаянный, — глухо закончил за нее Порфирий и снова трижды осенил себя крестом. — А может, и хуже того... Ох, чует мое сердце, не к добру эта встреча. Совсем не к добру. Может, сказать барыне? Мало ли чего... Ещё кукла эта...

— Какая кукла? — сильнее прежнего испугалась Пелагея.

Дворник вытащил из-за пазухи сверток и извлек оттуда тряпичную игрушку.

— Утром около парадной двери нашел. И сразу после этого и появился тот чужестранец.

— Порфирий! — прошелестела кухарка. — Это же подклад!!!

— Чего??? — недоверчиво покосился на неё старик, почесывая кончик носа толстыми пальцами.

— Это колдовской подклад! Я слышала от матушки в детстве, что такое делают злые люди... когда хотят сжить со свету своего врага. Этот незнакомец совершенно точно желает гибели семье барона! — она понизила голос и прикрыла рот ладонями.

— И чего ж делать-то? — засуетился Порфирий. Он вскочил со своего места и подбежал к чуть растопленной печи.

Открыв затворку, старик кинул в огонь игрушку. Несколько секунд он молча смотрел на пламя, а потом, повернувшись, с бледным и изможденным лицом промолвил:

— Она не горит!!! Надо это... верну ее назад!

Дворник выхватил куклу из печи и впопыхах засунул ее назад в сверток. Не помня себя от страха, он сбегал по черной лестнице вниз и аккуратно приставил сверток ко входу. Медленно пятившись задом, не отрывая от него взгляда, Порфирий добрался до дворничьей.

Санкт-Петербург.

1913 г.

Смоленское лютеранское кладбище.

Он неспеша проследовал вдоль аллеи, по правую руку от которой расположилась знакомая могила. Позади надгробия стояла печальная статуя ангела, сложившая руки в молитвенном жесте. *Тишина*. Проникновенная, оглушающая *тишина* — она стала его спутником на протяжении последних лет. Мужчина склонил голову и, стянув перчатки, обнажил обезображенные огнем кисти рук. Смахнув с надгробия пару березовых листков, он в который раз устало посмотрел на эпитафию и, слегка улыбнувшись, развернулся в сторону главных ворот. Дойдя до центральной аллеи, странный мужчина повернул налево и направился в дальний угол сектора. Вдалеке виднелся склеп, украшенный готическим крестом и шпилем, взмывающим вверх.

При ближайшем рассмотрении склеп выглядел более завораживающе. Крупные стебли роз переплетались между собой в кованую сетку, образуя цепкую нить паутины. Попавший сюда однажды был обречен остаться тут навеки.

Он достал из кармана витиеватый ключ и, ловко отомкнув замок, потянул дверь на себя. Пройдя мимо двух могильных плит, он остановился напротив каменной стены и, умело нажав на механизм, открыл проход в овальную ярко освещенную комнату. На стенах помещения были развешаны рыцарские доспехи: в центре, напротив входа, находился щит с геральдическим изображением, рядом — гравюра, запечатлевшая охоту в саванне. Начертания геометрических фигур, символов звездного неба и алхимических формул испещряли выложенный в нише камин. Высокий седовласый старик с длинной окладистой бородой утопал в величественном кресле. Он пытливым взглядом посмотрел на вошедшего. Мужчина не спеша снял цилиндр и перчатки и сел напротив старика.

— Как дела, Карл? — неожиданно молодым голосом спросил старик.

Карл чуть склонил голову, будто взвешивая, стоит ли вдаваться в подробности, и провел ладонью по краю стола. На полированном дереве остался легкий след от пыли.

— Да, все готово, — повторил он уже тише, будто не хотел, чтобы слова разнеслись по комнате.

— Вижу, — усмехаясь, ответил старик. — Дворник сошел с ума, видя, что подклад не горит! А не горит он, потому что и не должен. Это не про огонь, это про суть. Дворник увидел лишь внешнюю сторону, и разум его не выдержал столкновения с тем, что не укладывается в привычное сознание.

Старик откинулся на спинку кресла, пальцы его неторопливо постукивали по резному подлокотнику. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на удовлетворение или предвкушение.

— Значит, защита встала как надо, — пробормотал он, словно разговаривая сам с собой. — И никто не должен был понять. Чем страннее выглядит, тем лучше держится. Люди всегда бегут от непонятного, и не пытаются его разгадать.

Карл кивнул, не сводя глаз с камина: символы на нем мерцали в неровном свете, складываясь в узоры, которые менялись, если смотреть чуть дольше обычного.

— Гости начнут собираться к вечеру, — продолжил он. — Все по списку. Никто не знает истинной причины, думают, что просто именины. Даже те, кто чувствует... не могут назвать, что именно их тревожит.

Аугуст выставил ладонь вперед, будто прислушиваясь к чему-то за пределами комнаты, затем наклонился, и голос его стал серьезным, почти строгим:

— Ты уверен, что никто не видел, как ты входил сюда? Никто не проследил?

— Уверен, — спокойно ответил Карл. — Путь был скрыт, даже если кто-то и смотрел, он видел лишь стену. И ещё... я оставил ложный след у старой часовни. Пусть думают, что я там.

Старик одобрительно кивнул.

— Хорошо, это очень хорошо. Тогда остаётся только ждать, и наблюдать. Сегодня многое решится — не здесь, не в этих стенах, а там, среди свечей, тостов и пустых разговоров. Именно в обыденности прячется самая сильная магия.

— Ты закончил с колодой, Аугуст?

— Венецианское таро — кладёшь знаний, и они мне сказали, что все будет так, как и должно. Близится час расплаты!

— Тогда ждем вечера и наслаждаемся моментом, — лукаво подмигнул Карл своему собеседнику.

Аугуст, не вставая, подкинул в огонь пару поленьев, решив, что предвкушение все же слаще возмездия.

Карл с минуту посидел неподвижно, затем аккуратно надел цилиндр, проверил, плотно ли сидят перчатки, и, не проронив больше ни слова, направился к выходу. Проходя мимо могильных плит, он на секунду задержался, опять прислушиваясь к *тишине*, а потом шагнул в темный коридор, оставив старика наедине с его мыслями и мерцающими символами на камине.

Глава II

Королевство Богемия (нынешняя территория Чехии).

г. Прага.

1893 г.

Средневековый замок герцога Стефана Миловича раскинулся на холмах одной из долин, примыкающих к устью мелкой речушки. Характерная застройка, присущая времени и культуре живущего здесь народа, выделялась разве что неестественно вытянутым шпилем, украшенным на конце изогнутым полумесяцем.

В один из погожих летних дней часовой увидел вдалеке знакомую фигуру. Подъездные ворота тут же заскрежетали подъемным механизмом. Пришпоривая коня и поднимая за собой клубы пыли, герцог Милович мчался в замок. Спешившись, он передал узды мальчишке-конюху и зашел в спасительную прохладу первой залы. За широким прямоугольным столом восседали члены его семьи. Старший Аугуст, был во всем опорой и поддержкой старого герцога. Получив блестящее образование, старший из детей Миловичей всерьез увлекся оккультными науками и недавно стал посещать тайные мероприятия чернокнижников и чародеев. Средняя Петра, юная красавица и главная гордость герцога. Ее длинные золотистые косы и зеленые глаза сводили с ума кандидатов в женихи. Но Петра уже была обручена, тем самым став самой счастливой из всех невест. Младший Карл, был еще ребенком, и Стефан пока не возлагал на него особых надежд.

Едва герцог переступил порог залы, как дети тут же поняли, что отец не в настроении и вот-вот грянет гром.

— Маркиз Гнешек сошел с ума!!! Грандиозный скандал!!! Грандиознейший!!!

Присутствующие недоуменно уставились на него, ожидая следующей фразы.

— Он дал свое согласие на брак Матиаса с их дворовой прачкой! Я в бешенстве! Маркиз и прачка! Мезальянс! Чистейшей воды мезальянс! Я теперь и не понимаю, как приветствовать маркиза в благородном обществе.

— Отец, но у нас тоже скоро церемония. И ты отдаешь меня за Владимира, — подала робкий голос Петра.

— Владимир носит титул барона, он не бастард! А эта... эта... — от возмущения он начал заикаться. — Прачка!!!

— Пусть общество благородных дворян само определит свое отношение к маркизу Гнешеку. Папа, не стоит так волноваться из-за его статуса, — здраво рассудил Аугуст и, налив кубок вина, протянул отцу.

— И правда, сынок, — герцог шумно выдохнул, провел ладонью по вспотевшему лбу и тяжело опустился на свое резное кресло во главе стола. — Простите, что ворвался, словно буря в тихий дом. Просто эта новость так меня огорошила... Будто весь уклад мира пошатнулся.

— Уклад и должен меняться, отец, — тихо, но твердо произнес Аугуст, не сводя с отца спокойного взгляда. — Разве не ты сам говорил, что времена не стоят на месте? Что даже камни в стенах замка понемногу оседают, а река меняет русло?

Стефан нахмурился было, но тут же снова смягчился, поймав умоляющий взгляд Петры. Девушка чуть наклонила голову, и солнечные лучи, пробившиеся сквозь узкие окна залы, рассыпались золотыми искрами в ее косах.

— Ты, как всегда, мудр не по годам, Аугуст, — пробормотал герцог, принимая кубок и делая большой глоток. Вино слегка остудило его гнев, и голос стал тише. — Но пойми и ты меня: для дворянина честь рода не пустой звук. Это как фундамент под стенами нашего замка, если он треснет — рухнет все!

— Фундамент держится не на титулах, отец, а на делах, — не сдавался Аугуст. — Маркиз Гнешек может хоть сотню прачек взять в жены, но если он по-прежнему защищает свои земли, платит налоги и держит слово, разве это делает его недостойным?

— Вот именно! — подхватил Карл, воодушевленный тем, что буря миновала. — А у нас тут совсем другое дело! Петра выходит за барона Владимира и это настоящий праздник! Я уже придумал, какие ленты повяжу на гриву своего пони, чтобы ехать в процессии!

Петра рассмеялась легким, звонким смехом, похожим на перезвон колокольчиков.

— Спасибо, братик, — она ласково улыбнулась Карлу, а потом повернулась к отцу. — Папа, пожалуйста, не позволяй чужим поступкам омрачать наш праздник. Пусть маркиз делает, что хочет, а мы будем радоваться своему счастью.

Герцог долго смотрел на дочь, на ее сияющие глаза, на спокойное, уверенное лицо Аугуста, на восторженного Карла и вдруг плечи его опустились, а в уголках глаз заблестели теплые искорки.

— Ладно, ладно, — он махнул рукой, будто отбрасывая прочь все свои тревоги. — Пусть будет так! Не стану я портить вам настроение из-за чужой глупости. Тем более что у нас и правда скоро праздник.

Он поднялся, подошел к Петре и бережно коснулся ее косы, словно проверяя, все ли на месте, все ли так, как должно быть.

— Ты у меня самая красивая невеста, какую только видел свет, — произнес он тихо, почти шепотом, чтобы не выдать, как тронут. — И если барон Владимир хоть раз заставит тебя плакать, я лично спущу его с лестницы.

Петра прижалась к отцовскому плечу, счастливо улыбаясь.

— Он не заставит, папа. Я уверена.

Аугуст едва заметно улыбнулся, отставил кубок и, чуть наклонив голову, сказал:

— Тогда, отец, может, обсудим приготовления? Осталось совсем немного времени, а дел еще хватает. Да и слуги, наверное, уже с ног сбились, готова покои для гостей.

— Верно, верно, — оживился герцог, снова обретая привычную властность, но теперь уже без гнева. — Пусть позовут управляющего. Нужно проследить, чтобы к празднику все было готово: и пиршественный зал, и дорожки в саду, и... — он хитро подмигнул Карлу, — и ленты для твоего пони тоже.

Карл радостно подпрыгнул на месте, а Петра, все еще прижавшись к отцу, тихо прошептала:

— Спасибо, папа!

Ближе к вечеру герцог засел за счетные книги в надежде свести деньги к одному знаменателю, Аугуст продолжил заполнять гримуар,¹ Карл поспешил в конюшню, а Петра, едва зайдя в свою комнату, расположенную в восточной части замка, сразу же предалась мечтам о предстоящем счастье. Петра повстречала Владимира фон Збраха на улицах Праги тёплой весной. Барон путешествовал по Европе и с первой секунды был очарован и неизвестным до этого городом, и неземной красотой дочери герцога. Влюбленные не могли насытиться друг другом, и вскоре Владимир решился на важный шаг. Вернувшись в Петербург, он получил благословение отца и отправился назад за невестой. Петра была на седьмом небе от счастья, услышав предложение о замужестве. Но тень сомнения все же поселилась в ее душе. Ее отец — герцог королевства, второй по важности человек после короля... и Владимир... сын немецкого барона, давно живущего в Петербурге. Он не был нищим, но, тем не менее, огромными богатствами не обладал. Петра переживала, что отец отклонит их желание пожениться и найдет для нее более весомую кандидатуру. Герцог Стефан Милович действительно взял паузу

¹ Гримуар- это книга, которую считали источником тайных магических знаний: заклинаний, ритуалов, инструкций по созданию талисманов и амулетов, а также руководств по вызову духов, демонов или ангелов. (Примеч. авт.)

на обдумывание, но после знакомства с Владимиром дал разрешение на брак. Началась подготовка к торжеству, и вот, когда до свадьбы осталось меньше недели, Петра особенно заволновалась. Владимир обещался прибыть заранее, но от него не было никаких известий более месяца. Он появился на пороге замка Миловичей за три дня до торжества, объяснив свое отсутствие неожиданной хворью.

Петра стояла у окна в своих покоях, теребя край вышитого рукава, и смотрела, как слуги снуют по двору, развешивая последние гирлянды из полевых цветов. Сердце ее то замирало, то билось так отчаянно, будто хотело вырваться наружу. Три дня... Всего три дня до свадьбы, а она все никак не могла унять эту странную дрожь.

Когда Владимир появился на пороге замка, бледный, осунувшийся, с темными кругами под глазами, Петра едва сдержала крик. Но стоило ему взглянуть на нее и тревога рассыпалась, как сухая листва под ветром.

— Прости, что заставил тебя волноваться, — тихо сказал он, едва переступив порог. — Хворь была тяжелой, я и сам не знал, доживу ли до этого дня. Но мысль о тебе гнала прочь слабость.

Петра тогда не ответила, просто бросилась к нему, не думая о приличиях, о том, что рядом стоят слуги и братья, и прижалась к его груди, вдыхая знакомый запах кожи, железа и дальних дорог. И в тот миг все страхи, все шепотки о том, что жених опоздал, что это дурной знак, растворились без следа.

Теперь, глядя на празднично украшенный двор, она вспоминала тот миг и улыбалась.

В зал вошел Аугуст, в руках он держал свиток с перечнем блюд для свадебного пира.

— Ну что, сестренка, — он мягко улыбнулся, заметив ее задумчивый взгляд, — кажется, даже ветер сегодня поет в лад с трубадурами. Все готово, осталось только дожидаться самого главного дня.

— А если опять случится что-то непредвиденное? — прошептала Петра, не оборачиваясь. — Если... если вдруг...

Аугуст подошел ближе и положил руку ей на плечо.

— Ничего не случится, — твердо сказал он. — Мы всегда с тобой! Отец следит за порядком, слуги трудятся не покладая рук, а Владимир... — он чуть улыбнулся, — Владимир уже здесь. И, судя по тому, как он на тебя смотрит, он скорее рухнет замертво, чем оставит тебя одну.

Петра наконец повернулась к брату и рассмеялась тихо, но искренне.

— Ты всегда знаешь, что сказать, чтобы прогнать мои страхи.

— Это потому, что я старший, — подмигнул Аугуст. — Мне положено. Ну, а теперь иди вниз. Там отец устраивает смотр страже, хочет убедиться, что на празднике все будет безупречно. И... — он понизил голос, — Карл уже привязал к своему пони столько лент, что тот едва голову держит. Но вид у него такой счастливый, что никто не решается снять хоть одну.

Петра снова выглянула в окно. Маленький пони Карла, украшенный пестрыми лентами, важно вышагивал по двору, а мальчик бежал рядом, размахивая игрушечным мечом и выкрикивая что-то про свадебную процессию.

Герцог Стефан стоял неподалёку, в парадном камзоле, с тяжелой цепью на груди и, вопреки своей обычной суровости, улыбался, глядя на сына. В его глазах светилась тихая радость: не громкая, не бурная, но глубокая и настоящая.

Владимир стоял чуть поодаль, беседуя с управляющим, и время от времени поднимал взгляд к окну, где только что стояла Петра. И каждый раз, ловя ее тень в проеме, он едва заметно кивал, мысленно говоря ей: «Я люблю тебя.»

Петра глубоко вздохнула, вбирая в себя этот миг теплый, живой, наполненный смехом, звоном металла, шелестом лент и предвкушением чего-то большого и светлого. Она опустила руку на резные перила балкона, пальцы скользнули по старому камню, нагретому солнцем,

и вдруг ей показалось, что сами стены замка шепчут ей добрые слова, радуясь предстоящей свадьбе.

— Иду, — тихо прошептала она себе, а потом чуть громче, словно бросая вызов собственным страхам. — Иду!

Сбежав по винтовой лестнице, она выпорхнула во двор и тут же оказалась в вихре суеты: мимо пронесся мальчишка — паж с охапкой свежих роз, кухарка что-то крикнула слугам у кухни, а откуда-то из глубины замка доносился гулкий стук. Вероятно, плотники в последний раз подгоняли доски для помоста, где трубадуры будут петь во время пира.

Карл заметил ее первым.

— Петра! Петра! — закричал он, подпрыгивая на месте и размахивая игрушечным мечом так отчаянно, что тот едва не вылетел у него из руки. — Смотри, какой у меня конь! Самый лучший в процессии! Я буду ехать впереди и охранять тебя от драконов!

Пони фыркнул, тряхнул головой, и ленты на его гриве взметнулись пестрым облаком. Петра громко рассмеялась.

— Ты самый храбрый рыцарь, какой только может быть, — сказала она, поправляя одну из лент, которая сползла пони на глаз. — И я буду самой гордой невестой, потому что меня охраняет такой защитник.

Карл важно кивнул, словно принимая серьезный титул, и гордо выпятил грудь.

— Я даже дракона одолею, если он посмеет к тебе приблизиться! — заявил он. — А Владимир пусть защищает тебя от всего остального!

Услышав свое имя, Владимир оторвался от разговора с управляющим и подошел к ним. В его взгляде было столько нежности, что у Петры на мгновение перехватило дыхание.

— Похоже, у меня появился достойный соперник, — мягко улыбнулся он, глядя на Карла. — Но я не против. Пусть будет два рыцаря на страже счастья Петры.

— Три! — вдруг раздался голос герцога Стефана. Он подошел, поправляя тяжелую цепь на груди, и положил широкую ладонь на плечо Владимира. — Не забывай про меня. Я хоть и громок, да надежен. И если кто посмеет омрачить этот день, я лично спущу его с винтовой лестницы западной башни, не дожидаясь драконов.

Владимир склонил голову в почтительном поклоне.

— Благодарю, ваше сиятельство. Но, надеюсь, до лестниц дело не дойдет. Сегодня день для радости, а не для битв.

Стефан хмыкнул, но в глазах его снова мелькнула та самая тихая радость.

— Верно говоришь, — кивнул он. — Пусть будет радость, пусть будет пир, песни и смех!!!

Аугуст, подошедший незаметно, протянул Петре небольшой бархатный мешочек.

— Это от меня, — сказал он, чуть смущенно. — Небольшое приданое, но с особым смыслом. Внутри аметист, он хранит от дурных снов и пустых тревог. Пусть он будет с тобой сегодня, как напоминание о том, что ты не одна.

Петра развязала тесемки, достала камень и залюбовалась его глубоким фиолетовым оттенком, в котором, спрятались отблески закатного неба.

— Спасибо, Аугуст, — прошептала она, прижимая камешек к груди. — Он будет со мной сегодня и всегда!

В этот момент трубадур на башне ударил по струнам лютни, и над двором поплыла мелодия. Легкая, светлая сотканная из солнечных лучей и шепота ветра. Слуги замерли на мгновение, а потом снова закружились в хлопотах, но уже с улыбками на лицах. Даже хмурый конюх, вечно ворчавший на всех подряд, вдруг тихонько подпел, пока чистил скребницей старого боевого коня герцога.

И Петра вдруг поняла: впереди ее ждет новый путь, новая жизнь, новые тревоги и радости. Но сегодня, в этом дворе, среди родных, под этим небом, она была счастлива по-настоящему.

щему. Через два дня на зубчатых крышах замка и бойницах развевались цветы и разноцветные ленты, а трубадуры прославляли молодоженов своими песнями и стихами.

После церемонии супруги отправились в путешествие по Европе. Путь их пролегал сквозь города, где старинные стены хранили отголоски давних тайн, а в тени узких улочек до сих пор бродили тени предков. Спустя два месяца конечным пунктом их пребывания стал Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург.

1894 г.

Петербургская сторона.

Квартира барона фон Збрах.

Молодожены поселились в одном из доходных домов барона на Петербургской стороне. Юная чешка Петра довольно быстро освоилась в чужой стороне и, обладая легким нравом, стала вхожа в дома представителей высшего света. Светские дамы радостно встречали ее в своих салонах, посвящали в последние сплетни и зачастую бурно обсуждали новые романы общих знакомых. Поздней осенью Петра узнала о том, что понесла. Радость от предстоящего

пополнения в семействе, казалось, не могла омрачиться никаким событием. Но все же один зимний вечер смог роковым образом навсегда перечеркнуть жизнь герцогини.

Ночь накануне Рождества выдалась суровой. На город опустились морозы, и метель закружила свой белоснежный танец еще с прошлой недели. Владимир находился за городом и оказался отрезанным от дома непогодой. Напрасно долгими вечерами Петра всматривалась в ворота и подъездную аллею дома — кроме хлопьев снега там не было ничего. Ближе к полуночи послышался шум подъехавшего возницы и звон дверного колокольчика. Заспанная Пелагея Павловна поспешила на шум, перебирая в руках связку ключей. Отворив дверь, она с удивлением воззрилась на ночную гостью. На пороге стояла высокая, худощавая и очень бледная женщина. Казалось, она была слеплена из воска; у экономки даже возникла шальная мысль провести ладонью около ее лица. Женщина была не одна: она сжимала в руке ладошку маленького мальчика, укутанного в шаль с ног до головы.

— Вы кто? Вас сам нечистый принес, не иначе! — говорила кухарка, продолжая держать гостей на пороге.

— Меня зовут Наталья Константиновна Скирская. Владимир Николаевич здесь живёт?

— Барона нет. Из-за непогоды он не смог выбраться из одного из своих загородных имений. Но дома его супруга, может быть, она сможет вам помочь?

Гостья в ту же секунду изменилась внешне. На бледных щеках ее выступили красные пятна, она схватилась за воротник и оттянула его от шеи.

— Кто? Кто дома? — прошептала она. — Владимир женился?

— Да, более года назад, — твердо ответила кухарка, продолжая удерживать гостей на том же месте.

Женщина облокотилась о косяк и тихо сползла вниз.

— Да кто вы ему будете -то? — продолжала вопрошать Пелагея Павловна, теребя подол юбки.

Женщина слабо махнула рукой в сторону мальчика и произнесла:

— Это Генрих Владимирович фон Збрах, а я его мать.

На этих словах она лишилась чувств, и ее обмякшее тело растянулось на пороге квартиры. Пелагея Павловна, кряхтя, попыталась затащить ночную гостью в квартиру. Мальчик в шали смирно сидел на скамейке около двери и молча наблюдал за попытками пожилой женщины привести в чувство его мать.

В противоположном конце огромной квартиры послышались частые шажки, и вдалеке обозначилась высокая женская фигура.

— Пелагея, что тут происходит? — спросила герцогиня с заметным сильным акцентом.

— Незнакомка с мальчиком заблудились в метели. Сбились с пути и попали к нам. Сейчас я их обогрею, отпою чаем, а наутро разберемся, — успокоила хозяйку экономка.

Наталья Константиновна едва заметно пошевелилась и открыла глаза.

— Женился, значит... — тихо прошептала она, глядя на Петру, — обманул и Вас, и меня! Негодяй... а я — то все верила и ждала.

Петра, едва сдерживая слезы, в недоумении попеременно смотрела то на Наталью, то на кухарку.

— Что она говорит? Что она имеет в виду, Пелагея?

— Думаю, вам обоим лучше дождаться Владимира Николаевича, услышать его объяснения на этот счет.

— Я сама все расскажу, только помогите мне дойти до гостиной.

Женщины перебрались в каминную и, обогрев мальчика, отправили его на кухню под присмотр экономки. Наталья, успокоившись, отпила глоток обжигающего чая и устало посмотрела на герцогиню.

— Поверьте, если бы я знала, что вы здесь, я никогда бы не пришла в этот дом. Просто я устала ждать, я понимала, что Владимир обманывает меня, и хотела обманываться им. Я верила, что однажды у нас сложится семья и наш сын будет счастлив, как и все дети, которые видят любовь матери и отца. Я наивно предполагала, что Володя женится на мне, но я ему оказалась не парой. Даже рождение сына не сподвигло его на этот шаг. Конечно, он дал Генриху и титул, и фамилию, содержал нас, при этом оттягивая вопрос о нашем семейном статусе. Он обещал перевести нас в петербургскую квартиру и назвать своей семьей, но вскоре он отправился в путешествие по Европе, и наша связь прервалась. Совсем недавно я сильно истосковалась и предприняла попытку найти Володю. Поэтому я здесь, и то, что Вы, Петра, теперь его жена, стало для меня огромным предательством со стороны Володи. Петра медленно опустилась в кресло у камина, пальцы ее судорожно вцепились в резные подлокотники. Пламя отбрасывало дрожащие тени на лицо, и в этих отсветах читалась не просто растерянность, в них была боль, острая, словно от внезапного удара. — Простите... — прошептала она, не зная, к кому именно обращено это слово: к чужой женщине с измученным взглядом, к самой себе или к тому невидимому Владимиру, чье имя вдруг стало звенеть в воздухе, как натянутая струна.

— Простите, я ничего не знала. Клянусь.

Наталья Константиновна чуть склонила голову, будто проверяя искренность этих слов, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление не о своем признании, а о том, что приходится ранить эту юную девушку.

— И не могли знать, — тихо ответила она. — Он умел скрывать, умел говорить так, что каждое слово звучало как обещание, даже если за ним ничего не стояло. Я ведь тоже долго не замечала, как эти обещания тают, словно снег на теплой ладони. Петра сжала в пальцах край платья, ткань захрустела, натянувшись. — Но... сын... Генрих? — она кивнула в сторону двери, за которой исчез мальчик. — Вы говорите, он его сын?

— Да. — Просто сказала Наталья, и голос ее на мгновение дрогнул, но она тут же взяла себя в руки. — Генрих его сын, и он ни в чем не виноват. Ни в том, что родился, ни в том, что ждал отца, который все время был где-то, но не с ним.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине.

— Это тяжёлый разговор, — произнесла герцогиня. — И он не должен происходить вот так, впопыхах, среди метели и чужих слез. Но раз уж судьба привела вас сюда, Наталья Константиновна, мы не прогоним вас. Вы и мальчик останетесь под нашей крышей, пока не прояснится эта история.

Наталья хотела было возразить, сказать, что не хочет быть обузой, но Петра остановила ее легким движением руки.

— Не сейчас. Сначала тепло, потом слова. Петра подняла глаза на Наталью, и в этом взгляде уже не было прежней растерянности, только тихая решимость. — Если то, что вы говорите правда, — медленно проговорила она, — значит, мне нужно услышать ее от Владимира. Не обрывки, не догадки, а всю правду. Пусть он скажет мне все, глядя прямо в глаза.

Наталья горько усмехнулась, но в этой усмешке не было злобы лишь усталость долгих лет ожидания.

— Он умеет говорить так, что даже правда звучит как оправдание, — прошептала она. — Но я рада, что вы хотите услышать ее. Это честно, а честность редкая роскошь в подобных делах.

За окном завывала метель, швыряя горсти снега в широкие окна, но в каминной, несмотря на ледяные весты, по-прежнему трепетало пламя, согревая женщин, чьи судьбы вдруг сплелись в один тугой узел. И в этот миг Петра вдруг вспомнила аметист, который подарил ей Аугуст. Она нащупала камень в складках платья, сжала его в кулаке и почувствовала, как тепло его немного прогоняет холод, сковавший сердце.

— Вы очень добры ко мне, Петра. Благодарю вас! — услышала она.

Петра удалилась в свою комнату и, подойдя к окну, всмотрелась вдаль. Чувства опустошения, разочарования и ненависти заполнили ее душу. Она оглянулась на стену, где висел их с Владимиром портрет. Взревев волчицей, она подскочила к раме и одним рывком сорвала ее со стены. Разбив картину вдребезги, она открыла окно и выкинула во двор оставшиеся щепки. Раскрыв дверцы платяного шкафа, она сбросила на пол несколько теплых платьев и шубу. Облачившись в дорожное шерстяное платье, Петра незаметно покинула квартиру, порог которой она больше никогда не переступит. В это же самое время в далекой Богемии, в глубине замка, не ведая о буре, разыгравшейся в каминной, Карл все еще бегал по коридорам, представляя себя рыцарем, защищающим принцессу от драконов. И если бы кто-то сказал ему, что сегодня драконом может оказаться даже тот, кого все считали добрым героем, он бы только рассмеялся и крепче сжал свой игрушечный меч. Ведь настоящие рыцари не боятся никаких чудовищ!.

Королевство Богемия (нынешняя территория Чехии)

г. Прага.

1895 г.

Августовская ночь выдалась дождливой и ветреной, и в замке герцога Миловича тоже было беспокойно. Аугуст, Карл и Стефан сидели в большой каминной зале, с минуты на минуту ожидая рождения первенца Петры. Мужчины сосредоточенно молчали, каждый думая о своем. Стефан вспоминал, как морозным январским днем Петра сошла с козел возницы и, держа в руках один саквояж, опустив голову, подошла к воротам замка. Она вернулась домой униженной и преданной, но с плодом своей огромной любви под сердцем. Никто не посмел шептаться о несчастной судьбе дочери герцога во избежание обрушения гнева Стефана Миловича. Казалось, жизнь пошла своим чередом. В отчем доме Петра оживилась и с нетерпением ожидала рождения ребенка. Эта ночь наступила и принесла тяжелые муки юной роженице. Ближе к утру повитуха зашла в каминную и громогласно объявила:

— Роженица разродилась младенцем мужского пола!

Мужчины одновременно облегченно выдохнули и отправились на покой. Но спокойное и тихое утро разорвал сумасшедше-истощенный крик Петры:

— Умер!!! Он умер!!! Мой сын умер!!!

Петра металась по коридорам замка, прижимая к груди сверток с синюшным тельцем.

— Будь ты проклят, фон Збрах!!! За ложь и предательство моей души!!! Будь ты проклят!!! Ты и все твои потомки! — кричала она в иступлении.

Ее успокоили только под вечер; прибывший доктор из ближайшего поселения объяснил ее состояние нервной агрессией и выписал несколько действенных методов лечения.

Прошло три месяца, и наступила очередная студеная осень. Огромный черный ворон не первый раз блуждал по долине, иногда присаживаясь на выступы бойниц замка герцога. Приоткрыв створку, Петра с наслаждением потянула прохладный, морозный воздух. Иссиня-черный ворон был не редким гостем в ее комнате. Он прилетал всегда, как только Петра начинала особенно предаваться трагедии, произошедшей с ней.

Петра протянула руку, и ворон, чуть помедлив, шагнул вперед и сел на ее запястье. Тяжелый, теплый, с блестящими, будто отполированными перьями. Он склонил голову набок, вглядываясь в ее глаза, и тихо щелкнул клювом.

— Знаю, знаю, — прошептала Петра, не отводя взгляда. — Ты не умеешь говорить, но ты слушаешь. А сейчас мне и не нужно, чтобы кто-то отвечал. Просто пусть кто-то побудет рядом.

Ворон коротко каркнул, будто соглашаясь, и переступил лапами, крепче цепляясь когтями за край рукава. За три месяца *тишина* в замке стала почти осязаемой. Сначала все ходили

на цыпочках, боясь потревожить горе Петры, потом боялись потревожить ее молчание. Даже Карл, который прежде без умолку болтал о драконах и рыцарях, теперь лишь изредка заглядывал к ней в комнату, приносил букетик увядших полевых цветов и, не решаясь подойти ближе, оставлял его на подоконнике, и убегал. Август пытался говорить с ней о чем-то отвлеченном: о звездах, о старинных книгах, о том, как меняется цвет неба перед грозой. Но Петра слушала вполуха, кивала, когда нужно, и снова уходила в себя, туда, где эхо ее крика все еще звучало в сводах замка. Отец же совсем перестал заходить к ней. Не потому, что не любил, а потому, что не знал, как вынести эту боль. Видя дочь в таком состоянии, он словно терял всю свою грозную силу, и ему становилось страшно, что он не сможет быть для нее опорой, если и сам вот-вот сломается.

Внизу, во дворе, слуги сновали по своим делам, кузнец стучал молотом, кухарка выкрикивала распоряжения, и жизнь текла, как и прежде. Но для Петры время будто остановилось в той августовской ночи, в том крике, и том свертке, который она прижимала к груди, пока силы не оставили ее. Она провела пальцем по гладким перьям ворона, и тот снова тихо щелкнул, напоминая, что она здесь, в настоящем, а не там, в прошлом.

— Говорят, вороны помнят все, — тихо сказала Петра, глядя вдаль, на долину, затянутую серой дымкой осеннего тумана. — Помнят лица, голоса, обиды... Ты помнишь? Ты видел, как он уезжал? Как обещал вернуться? Или как не вернулся?

Ворон не ответил. Он сидел, тяжёлый и спокойный, и этого было достаточно.

— Воруша, только ты всегда со мной. Ой, тебе же холодно наверное? Сегодня мороз. Давай погреемся? — на этих словах она выхватила полено из пылающего камина и положила его на пол перед собой. Искры разлетелись по всей комнате, оставляя после себя тлеющие угольки. Петра, увлеченная птицей, не сразу заметила быстро разгоревшееся пламя около своей кровати. Ворон зазывно прокаркал несколько раз и вылетел в приоткрытое окно.

— Ну куда же ты, птица? Мы же хотели всего лишь... согреться?!

Пламя уже охватило белье и деревянную ножку кровати, но Петра, казалось, не замечала этого. Завороженная, она смотрела на разгорающееся пламя и улыбалась... той самой жуткой, хладнокровной улыбкой, на которую способен лишь убийца!

— Подожди! Вернись, Воруша! — кричала она, беря в руки полыхающее полено, — Сейчас нам будет тепло!

Карл с усердием натирал холку своего любимого Беста. Арабский скакун был подарен ему совсем недавно, и, едва оседлав его, Карл понял, что это лучший подарок, который только мог преподнести ему отец. Грაციозный, сильный и своенравный конь отражал все черты характера юного владельца. Они подружились с первых минут знакомства и вот уже более полугода были неразлучны. Расчесав гриву и хвост, юноша отошёл назад и невольно залюбовался скакуном. Конюшня находилась на заднем дворе замка неподалёку от прачечной, где по обыкновению Генриэтта занималась стиркой и громко напевала народные песни.

Этим утром Карл не сразу услышал суматошные крики экономки. Пожилая Генриэтта бежала и спотыкалась, на ходу заламывая руки:

— Младе пане! Младе пане! Пожар! В комнате пани Петры огонь!!!

Карл резко обернулся, щетка выпала из его рук и глухо стукнулась о дощатый пол. Лицо экономки было белее мела, руки дрожали, а по раскрасневшимся от ветра щекам катились слезы.

— Что?! — выкрикнул Карл, голос его сорвался с мальчишеской звонкости на хриплый, взрослый крик. — В покоях Петры?!

Он не стал переспрашивать, не пытался унять дрожь в пальцах, а просто рванул прочь из конюшни, мимо опешившей Генриэтты, мимо прачек, застывших с мокрым бельем в руках, мимо слуг, которые только теперь начали понимать: случилось нечто страшное. Бест, почуввав перемену, тревожно заржал, ударил копытом в перегородку, но Карл даже не обернулся. Ноги несли его через двор, по скользким от дождя плитам, вверх по лестнице, туда, где из-под двери покоев Петры уже пробивалась тонкая, зловещая полоска оранжевого света.

— В замке никого! Я еле нашла вас! Я пыталась отворить ее комнату, но там заперто, и пани... она смеется там... — слышался сзади голос Генриэтты.

Карл, не чуя ног, вбежал в каминную и в тот же миг взлетел по ступеням вверх. Огонь вырывался из-под двери комнаты Петры, грозя смести под руинами пепелища весь замок. Карл забарабанил в дверь что есть силы.

— Петра!!! Открой!!! Это я, Карл! Что случилось??! Открой сейчас же, мы горим!!!

За дверью послышался тихий смешок.

— Зато нам теперь тепло! Воруше и мне тепло!

Подоспевшая Генриэтта поставила рядом два ведра воды и, тяжело дыша, прислонилась к стене.

— Она сошла с ума! Бедняжка. — Хрипло прошептала она.

Карл повертел головой по сторонам и, схватив со стены крюк для камина, попытался выломать дверь. Вдвоем с Генриэттой они боролись с мощной дубовой дверью до тех пор, пока не послышался треск и верхний угол крепления не объяло пламенем. Надавив плечом, он поддал ее, и открывшаяся им картина повергла в ужас. В центре комнаты, объятай пламенем, стояла Петра. Ноги ее пожирал огонь, едкий дым заполонил собой все помещение. Она стояла, раскинув руки в стороны и крепко сжав губы. Карл скинул с себя кафтан и, подбежав к сестре, принялся сбивать огонь. Руки его коснулось пламя, и страшная боль пронзила все тело. В эту секунду его поразило то, что Петра совершенно никак не реагировала на его действия. Едва он дотронулся до нее, как она тут же упала замертво. Жуткий крик кухарки вывел его из оцепенения.

— Она умерла! Пани сгорела! — прокричала Генриэтта и свалилась без чувств.

Карл стоял посреди хаоса, не чувствуя ни жара, ни боли в обожженных руках. Петра лежала у его ног, неподвижная, словно вырезанная из холодного камня, а вокруг все ещё плясали языки пламени, будто насмехаясь над тем, как быстро оборвалась жизнь. Из оцепенения его вырвал не крик, а *тишина*. Она наступает всегда после крика, когда звук уже сорвался, а эхо ещё висит в воздухе, тяжёлое и липкое. Он медленно поднял глаза и увидел Аугуста: тот застыл в дверном проеме, побелевший, словно из него разом вынули все краски мира. За его спиной мелькали тени слуг, кто-то кричал, кто-то тянул Аугуста назад, но он не двигался, только смотрел, и в этом взгляде было столько боли, что Карлу захотелось закричать, чтобы заглушить ее.

— Нет... — прошептал Карл, сам не понимая, к кому обращено это слово: к брату, к Петре или к самому небу, которое сегодня оказалось таким равнодушным. — Нет, этого не может быть... Я же только, что... я пытался...

Он снова наклонился к сестре, коснулся ее плеча, и тут же отдернул руку, потому что кожа была холодной, пугающе холодной. Огонь не сжигал ее, а вытягивал последнее тепло. На пальцах осталась сажа, смешанная с чем-то липким, и этот запах гари теперь въедался в сознание, и становился частью этого кошмара. В коридор ворвался герцог Стефан в доспехах, накинутах наспех, с мечом в руке. Но, увидев картину перед собой, он замер, и меч с глухим лязгом выпал из его руки, ударившись о каменный пол.

— Петра... — голос герцога прозвучал не как приказ, а как тихий, надломленный шепот человека, который вдруг понял, что крепость его пала, и защищать больше нечего. — Доченька... Аугуст наконец сдвинулся с места, шагнул вперед, опустился на колени рядом с Петрой и осторожно приподнял ее голову.

— Она не могла... — бормотал он, пытаясь убедить самого себя. — Она была сильной... она держалась... она не могла просто так... Карл смотрел на них обоих и чувствовал, как внутри что-то ломается. Он вспомнил, как всего несколько часов назад чистил Беста, как любовался его грацией, как думал, что день будет обычным, спокойным и даже счастливым. Теперь от этого дня не осталось ничего, кроме пепла, криков и омерзительной *тишины* в душе. Слуги метались вокруг, кто-то пытался тушить огонь, кто-то склонился над Генриэттой, все еще лежавшей без чувств. Стефан медленно опустился на колени напротив Аугуста, протянул руку, коснулся волос Петры и вдруг резко отвернулся, не вынеся этого прикосновения.

— Уберите огонь, — глухо приказал он, и голос его звучал так, словно каждое слово давалось ему с невыносимой болью. — Уберите все это... Пусть здесь будет *тишина*. Пусть она... пусть она отдохнет.

Пламя постепенно угасало, его заливали водой, засыпали песком, сбивали мокрыми одеялами. Карл отступил к стене, прижался к холодному камню, чувствуя, как боль от ожогов наконец прорывается сквозь оцепенение. Он смотрел на сестру, на брата, на отца и понимал, что мир, который он знал, только что рухнул. И теперь впереди была только неизвестность, темная и пугающая, как ночь без звезд. За окном, над башнями замка, кружил иссиня — черный ворон. Он сделал круг, и исчез в серых тучах, оставив после себя лишь легкое, едва уловимое ощущение, что кто-то все это время пытался их предупредить, но они не смогли услышать.

Спустя несколько дней траурная процессия медленно двигалась в сторону местного погоста. Позади повозки с гробом шли шестеро человек: Аугуст, Карл, Стефан, Генриэтта и два мальчика-пажа, несшие в руках белые цветы. *Тишина*, разрывавшая округу, была невыносимой, и Карл заговорил первым. Его перебинтованные руки и глаз сильно болели, но душевная боль была невыносимее.

— Я отомщу за нее! Клянусь! Отомщу, отец! — с вызовом сказал он, глядя под ноги. Грязная земля чавкала под его ногами, превращая каждый шаг в тягучую трясину.

— Я помогу тебе, братец! Не переживай, — тихо отозвался Аугуст. — Всеу свое время. Сначала я научу тебя тому, что умею сам, и вместе мы отомстим барону. Отец будет нами гордиться. Так ведь?

Герцог Стефан шел впереди, не поднимая головы, и его широкие плечи казались сейчас чуть поникшими, сама тяжесть горя придавила этого могучего человека. Он не ответил на слова Карла, но пальцы его, стиснутые в кулаки, побелели, а на виске нервно пульсировала голубая жилка. Генриэтта, едва переставлявшая ноги, тихо всхлипывала, прикрывая лицо концом платка. Ее глаза покраснели от слез, а голос, когда она наконец решилась заговорить, звучал хрипло, оттого, что слова царапали горло.

— Не надо, младе паны... Не надо про месть. Пусть пани Петра покоится с миром. Она бы не хотела, чтоб из-за неё лилась кровь...

Карл вскинул голову, и в его взгляде вспыхнула ярость, смешанная с болью.

— А что мне еще делать?! — выкрикнул он, и голос его сорвался, став мальчишеским и беспомощным. — Я стоял там, я видел, как она... как пламя... а я ничего не смог! Ни спасти, ни удержать! Если я не отомщу, значит, все было зря!

Аугуст осторожно положил руку ему на плечо, чтобы не задеть обожженные места.

— Не зря, — твердо сказал он. — Ты пытался, а значит, можешь сделать то, что никто другой не сделает. Но месть не должна быть слепой. Слепая месть сжигает того, кто мстит, так же, как огонь сжег нашу Петру.

Стефан наконец остановился и медленно повернулся к сыновьям. Его лицо было серым, изможденным, но в глазах сверкнуло прежнее пламя, что заставляло дрожать даже самых дерзких врагов.

— Аугуст прав, — произнес он глухо, но так, что его услышали все, даже пажи, замершие с белыми цветами в руках. — Мы не пойдем на поводу у гнева. Но и не оставим это безнаказанным, пусть все знают: род Миловичей не прощает обид!!!

Карл опустил взгляд на свои перебинтованные руки. Ткань пропиталась сукровицей, каждый шаг отдавался болью, но эта боль была понятной, настоящей. Но та, что жила внутри, она была слишком огромной, чтобы ее можно было вынести.

— Я не буду сидеть сложа руки, — упрямо пробормотал он. — Я научусь всему, чему ты сможешь меня научить, Аугуст. И если правда окажется такой, что потребует крови, то я не отступлю. Аугуст чуть заметно кивнул.

— Хорошо. Тогда начнем с малого, с того, что я знаю об алхимии и тайных знаках. В том огне было что-то неестественное. Я видел это, и я найду тому подтверждение. Процессия снова двинулась вперед, даже Генриэтта, вытерев слезы, пошла дальше, крепко сжимая в пальцах мокрый платок. Пажи шли молча, их маленькие лица были серьезными, почти взрослыми в этот страшный день. Они не понимали всего, но чувствовали: происходит нечто важное, нечто, что изменит этот замок, эту семью и долину. Когда процессия подошла к погосту, старый священник уже ждал их у свежерытой могилы. Ветер трепал его рясу, и в глазах читалось не просто сочувствие, а глубокое понимание: он хоронил не просто юную герцогиню, он проводил в вечность часть души этого места. Стефан первым подошел к гробу, провел ладонью по крышке, как — будто хотел еще раз убедиться, что это не дурной сон.

— Прости меня, доченька, — прошептал он так тихо, что слышали только самые близкие. — Прости, что не уберег. Но я клянусь: тот, кто отнял тебя, ответит. И не только перед людьми, но и перед Богом!

Он отошел назад и подал знак священнику. Слова молитвы плыли над погостом, смешиваясь с шумом ветра и далеким криком ворона, который снова появился на краю кладбища, сел на сухую ветку старого дуба и замер. Карл смотрел на гроб, и слезы, которых он так старался не показывать, все же покатались по его щекам. Но в груди уже разгоралось другое чувство, не просто горе, а холодная, твердая решимость. Старый герцог и два его сына повернулись и пошли прочь туда, где их ждал замок, полный теней и невысказанных вопросов. Ворон, сидевший на ветке склонил голову, прислушиваясь к чему — то, а потом взмахнул крыльями и исчез за серыми тучами, оставив после себя лишь ощущение, что за этой историей наблюдают не только живые.

Глава III

Санкт-Петербург.

1913 г.

Петербургская сторона.

Квартира барона фон Збрах.

Ближе к шести часам вечера, когда палящее солнце перекаатилось на западную сторону, к дому на Каменноостровском проспекте стали съезжаться гости. Первым прибыл граф Веселовский с супругой Юлией и двумя очаровательными дочками. Девочки несли в руках подарочные коробки, перевязанные яркими лентами. Графиня, грациозно подобрав кружевное платье, с гордостью несла свой статус. Высокомерная осанка, вздернутая голова и чуть заносчивый взгляд. Юлия Николаевна слыла в городе женщиной властной и бескомпромиссной. Рьяный борец за честь и правду, она при любой ситуации оставалась верна своим принципам, порой даже в укор собственной семье. Ее муж Всеволод Аркадьевич, напротив, был человеком веселого нрава (о чем, собственно, и говорила его фамилия), карточным игроком и повесой. Столь принципиальная и верная супруга отнюдь не мешала ему проматывать имения и периодически совершать адюльтеры.²

— Оленька, смотри под ноги! Ты несешь подарок, не хватало его еще уронить! — строгим голосом сделала замечание дочери графиня. Девочка вздрогнула и, опустив голову, зашагала медленнее. Вторая дочь зло зыркнула на Оленьку и, поджав губы, обогнала ее. Процессия прошла в парадную и скрылась из виду.

Почти следом прибыл следующий экипаж. Из коляски вышел холеный мужчина примерно лет тридцати пяти. Сняв с головы цилиндр, он стряхнул невидимую пыль со смокинга и медленно направился по аллее. То был Александр Михайлович Удалов, владелец нескольких аптек, доходных домов и пары букинистических лавок. Завидный холостяк, по совместительству носящий титул помещика. Гостей можно представлять до бесконечности, но мы переместимся в квартиру барона и обратим внимание на его сына.

Генрих фон Збрах стоял в большой зале напротив окна и сосредоточенно всматривался в толпу прибывающих гостей. Молодой человек был не столь хорош собой, как его отец, но назвать его некрасивым было нельзя. Высокий, правильно сложенный, он имел небольшой изъян в виде родимого пятна на щеке, которого очень стеснялся. Черные вьющиеся волосы, карие глаза, крупный нос и волевой подбородок придавали его образу мужественности и благородства. Будучи студентом-медиком, Генрих увлекался ботаникой и часами мог рассказывать о чудесных свойствах растений и их влиянии на человеческий организм. В одном из загородных поместий юноша разбил зимний сад и выращивал там растения, способные, по его собственному заверению, вылечить любую хворь.

В последние несколько месяцев его заботила иная проблема, которая занозой влезла в его тонкую и израненную душу. На одном из званых балов Генрих страстно влюбился в княжну Ксению Альдербанскую. Она была дочерью друга его отца и долгое время прожила за границей. Генрих помнил ее маленькой девочкой, с которой они вместе бегали по саду в поисках опавших яблок. Позже отец определил ее в Женевский пансион, и княжна на долгие годы отбыла в Швейцарию. Встретив ее на балу у Звонаревых, Генрих был очарован неземной красотой Ксении Дмитриевны. Белокурая, с яркими голубыми глазами, она казалась хрупким ангелом, спустившимся на грешную землю. Влюбленный парень не мог долго скрывать свои притязания и, улучив момент, признался в своих чувствах. Ксения сдержанно выслушала пылкого юношу

² Адюльтер-супружеская измена, неверность (Примеч. авт.)

и, аккуратно подбирая слова, дала понять, что давно и крепко любит другого. Мир Генриха рухнул в ту же секунду, и он надолго замкнулся в себе. Родители тщетно пытались вразумить его, но он и слушать никого не желал. Слишком сильна и слепа была его любовь к Ксении. И в этот летний вечер он безотрывно всматривался в экипажи, желая увидеть приближение дилижанса графа Альдербанского.

— *Mon chéri!*³ Знаю твою печаль, но позволь развеять все сомнения. Князь непременно придет, и я хочу попросить тебя об одном: не строй ложных иллюзий. Птица, однажды полюболюбившая терновник, никогда не улетит в камыши!

Генрих вздрогнул и медленно обернулся. Баронесса фон Збрах стояла в полутени зала, в строгом, но изящном платье темно-изумрудного цвета; в ее взгляде читалась не просто материнская нежность, а та особая, горькая мудрость женщины, которая слишком многое повидала, чтобы верить в легкие чудеса.

— Прости, матушка, — глухо произнес Генрих, отводя взгляд к окну. — Я не могу... не могу просто «забыть». Это не как насморк, который проходит от отвара из липы. Баронесса тихо подошла и остановилась рядом, не пытаясь обнять, не нарушая его личного пространства.

— Я не прошу забыть, — спокойно сказала она. — Я прошу не строить свою жизнь на том, чему не суждено случиться. Любовь, которая не находит ответа, становится тяжелым камнем. Она не украшает путь, она гнет к земле.

Генрих горько усмехнулся, коснувшись пальцами родимого пятна на щеке. Привычный, почти неосознанный жест, когда он чувствовал себя уязвимым.

— А если я не хочу ее отпускать? — прошептал он. — Если мне кажется, что стоит только подождать, еще немного, и она поймет... все почувствует...

— Она уже поняла. Просто ее сердце выбрало другого. И в этом нет ни твоей вины, ни ее злобы: так устроены сердца. Одни тянутся к солнцу, другие к тени. И бесполезно уговаривать солнце стать тенью.

За окном раздался скрип колес, и Генрих снова напрягся, подался вперед, стараясь разглядеть сквозь сгущающиеся сумерки лицо той, ради которой его сердце билось так отчаянно. Но экипаж, проехав мимо, свернул на боковую аллею. Он тяжело выдохнул, и плечи его чуть опустились.

— Ты права, — наконец признал он, опуская руки и сжимая кулаки, чтобы унять дрожь. — Прости, что заставляю тебя переживать из — за моих глупостей.

— Это не глупости, — тихо возразила баронесса. — Это молодость, а она всегда верит, что сможет переписать законы мира. Но со временем приходит понимание: самые сильные люди не те, кто ломает мир под себя, а те, кто находит в себе силы принять его таким, какой он есть, и идти дальше. Наталья Константиновна чуть наклонила голову, взглядываясь в его лицо, и вдруг мягко улыбнулась. — Знаешь, ты ведь не только о Ксении думаешь, верно? В твоих глазах есть и другая печаль, более глубокая. Что тревожит тебя помимо разбитого сердца? Генрих замер, будто его поймали на чем — то тайном, и на мгновение в его взгляде мелькнуло нечто похожее на испуг. Он хотел было отмахнуться, привычно спрятать боль за вежливой улыбкой, но слова сами сорвались с языка.

— В последнее время мне кажется, будто я слышу шепот в коридорах нашего дома... будто кто — то зовет меня по имени, когда я один в зимнем саду. И сны... матушка, сны такие, что я просыпаюсь в холодном поту и не могу вспомнить, что именно меня напугало, но знаю это было про что — то важное. Баронесса нахмурилась, и в ее глазах мелькнула тревога, которую она тут же постаралась скрыть.

— Возможно, это усталость, — осторожно сказала она. — Ты слишком много времени проводишь в саду, среди растений, которые и сами по себе могут влиять на разум. Некоторые

³ *Mon chéri*-мой дорогой (фр.) (Примеч. авт.)

травы, если вдыхать их аромат подолгу, вызывают видения... или, по крайней мере, путают мысли. Генрих покачал головой.

— Нет, это не травы. Я знаю их свойства. Это... другое. Будто прошлое стучится в дверь, а я не хочу ее открывать.

В этот момент в зал вошёл дворецкий и склонился в почтительном поклоне.

— Князь Альдербанский прибыл, экипаж у главных ворот. Княжна Ксения Дмитриевна следует за отцом. — Возвестил он. Сердце Генриха снова подпрыгнуло, но теперь в этом толчке не было прежней надежды.

— Иди, — тихо сказала мать, чуть касаясь его руки. — Встреть их как подобает.

Генрих глубоко вдохнул, расправил плечи, на мгновение задержал дыхание, и направился к выходу. Каждый его шаг отдавался внутри тяжелым эхом, но он шел прямо, не опуская головы. Когда он вышел на парадную лестницу, экипаж уже остановился, и лакеи спешно опускали подножку. Первым из кареты вышел князь Альдербанский, статный, седовласый, с гордой осанкой. За ним показалась Ксения. Она выглядела еще прекраснее, чем в тот вечер на балу: в легком платье цвета слоновой кости, с жемчужинами в волосах, она казалась не просто красивой, она была недостижимой, как звезда, к которой можно тянуться, но коснуться невозможно. Их взгляды встретились. Ксения едва заметно улыбнулась теплой, дружелюбной улыбкой, в которой не было ни кокетства, ни намека на взаимность, а лишь вежливое признание их давнего знакомства.

— Генрих, — произнесла она. — Рада видеть Вас снова, как поживает Ваш зимний сад? Вы ведь так им гордились...

Генрих на мгновение замер, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Сад жив, княжна. И, надеюсь, однажды он сможет исцелить даже то, что не поддается лечению. — Ответил он.

— Пусть так, — тихо сказала она, склонив голову в бок. — Пусть будет хоть что-то, что может исцелять.

Именно в этот миг Генрих вдруг понял: он не перестанет любить ее. Возможно, эта любовь никогда не исчезнет полностью, но теперь он знал, что больше не будет стоять на ее пути, не будет умолять о том, чего она не может дать. Он найдет другой путь и другой смысл. Он снова поклонился, уже спокойнее и увереннее.

— Добро пожаловать в наш дом, княжна. Пусть этот вечер будет для Вас приятным.

В глубине поместья, в тихом полумраке зимнего сада, среди зеленых листьев и едва уловимого аромата редких трав, шевельнулась тень которая давно ожидала своего часа...

...неистовый ветер, поднявшийся из ниоткуда, затрепал листья деревьев в сумасшедшем круговороте. Дорожная пыль скрутилась в воронку и поднялась высоко над землей. Черная грозовая туча нависла над домом барона и угрожающе замерла. Раскат грома, прокатившийся далеко за Петербургской стороной, достиг своего апогея и разразился жуткой какофонией. Сверкнувшая молния осветила подъездные ворота. Пелагея Павловна инстинктивно схватилась за сердце и, перекрестившись, поспешила к окну. Вдалеке виднелся силуэт молодого мужчины; он шел не спеша, элегантно выкидывая впереди себя тонкую трость. Молния сверкнула еще и еще раз, незнакомец остановился посреди двора и, раскинув руки в стороны, несколько раз обернулся вокруг своей оси. Пелагея заморгала, будто стараясь очистить глаза от попавшей пыли. На несколько секунд ей показалось, что она ослепла. Протерев глаза кулаками, она страшно обрадовалась, вновь обретя способность видеть.

Первые капли дождя застучали по карнизу, и в эту же минуту с черного хода послышался звук дверного колокольчика. Ручка двери повернулась, и перед ней возник тот самый незнакомец.

Он был одет в длинный чёрный фрак, голову его украшал атласный цилиндр, а руки были облачены в перчатки. Кухарка, будто парализованная, застыла на месте и с ужасом наблюдала за ним. Юноша остановился напротив и пристально посмотрел на нее. Его вытянутое, длинное и худое лицо исказилось в жуткой гримасе; один глаз, покрытый черной повязкой, казался одним большим пятном на его аристократичном лице. Он молча смотрел на нее, затем, подняв трость, указал в сторону выхода из кухни. Пелагея Павловна зачем-то кивнула и попыталась выдать из себя хоть слово. Буквы застряли в гортани, а разум помутился в ту же секунду. Из ее рта не вырвалось ни слова; безвольно шевеля губами, она тихо сползла по стене и осела на пол. Мужчина ухмыльнулся и не спеша вышел из кухни. Длинный коридор встретил его светом тусклых ламп. Остановившись, он поднял голову и, что-то прошептав, дотронулся до одной из них. Свет замерцал, лампа затрещала и тут же погасла. Квартира погрузилась во мрак, и лишь стук его каблучков раздавался в этой оглушающей темноте. Дойдя до гостиной, незнакомец развернулся и, взявшись за ручки дверей, победоносно отворил их.

В огромной гостиной было около двадцати человек. Женщины при виде его вскрикнули и спрятались за спинами присутствующих мужчин. Одна из них поднялась со стула и, чуть прищурившись, спросила трясущимся голосом:

— Кто Вы? Что Вам угодно и как Вы здесь оказались?

Мужчина разразился громким смехом под очередной раскат грома. Его жуткий оскал поверг всех присутствующих в состояние ошарашивания. Мужчина снял перчатку с левой руки, обнажив жуткие ожоги. Владимир Николаевич схватил стоявшую рядом с ним свечу и посветил прямо перед собой.

— Узнаете, Ваше благородие? — тонким, почти женским голосом произнёс незнакомец. Уродливая рука в шрамах оказалась перед самым лицом барона.

— Карл??? — фон Збрах не верил своим глазам и, подойдя ближе, остановился в паре метров от незваного гостя. — Значит, вот каким ты стал... а что случилось с твоей рукой и лицом? — заботливо продолжал барон, совершенно не чувствуя опасности. Он опустил свечу и пламя дрогнуло, отбрасывая на стены рваные, пляшущие тени.

В комнате повисла *тишина*, густая и липкая, как смола; даже раскат грома, ворвавшийся в распахнутые окна, прозвучал приглушенно, боясь нарушить эту жуткую сцену. — Карл?.. — снова прошептал фон Збрах, и в этом имени смешались изумление, боль и воспоминания о мальчишке, который когда-то бегал по коридорам замка с игрушечным мечом, выкрикивая, что будет защищать сестру от драконов. Но теперь перед ним стоял совершенно другой человек: холодный, чужой, пугающе собранный. Карл медленно опустил руку, но не стал ее прятать. Напротив, он чуть повернул ее, позволяя свету выхватить из темноты уродливые рубцы, будто хотел, чтобы все увидели, какой ценой он пришел сюда.

— Ты спрашиваешь, что случилось с моей рукой и лицом? — голос его звучал странно: тонкий, почти ломкий, но в нем проскальзывали металлические нотки, которых раньше не было. — Не догадываешься, Владимир Николаевич? Не вспоминаешь тот день, когда в покоях Петры вспыхнул огонь, который не должен был гореть? Огонь, который пожирал не дерево, а саму жизнь?

Фон Збрах побледнел, пальцы его судорожно сжали подсвечник.

— Я не понимаю... — пробормотал он, но в глазах его мелькнуло что-то похожее на испуг. — Я не имею к этому отношения... Клянусь!

— Клятвы, — горько усмехнулся Карл, и его ухмылка была страшнее любого крика. — Ты столько раз клялся, что я уже перестал их считать. Ты клялся Петре в верности, клялся ее отцу в преданности, клялся самому себе, что все будет хорошо. И что в итоге? Она сгорела. А

я... я остался жить с этим. — Он снова поднял изуродованную руку, предъявляя ее как доказательство. Одна из дам, до этого прятая за спиной мужа, не выдержала и тихо вскрикнула, прижав ладонь ко рту. Ее супруг крепче прижал жену к себе, но сам не сводил глаз с Карла, боясь, что любое движение может спровоцировать его гнев.

Карл не обращал на них внимания, его взгляд был прикован только к барону.

— Ты думаешь, я пришел мстить за ожоги? — тихо, почти шепотом, произнес он. — Нет, эти шрамы пустяк. Но то, что сгорело внутри меня в тот день, не заживет никогда. Я пришел не за болью, Владимир Николаевич. Я пришел за правдой. Фон Збрах сделал шаг вперед, но тут же резко остановился.

— Какой правдой? — выдохнул он. — Что ты хочешь услышать? Что я виноват? Что я что-то знал и молчал? Я ничего не знал! Я не был в Богемии со дня нашей свадьбы!

Карл медленно покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то холодное, расчетливое.

— Не лги хотя бы сейчас. Ты всегда умел красиво говорить, Владимир Николаевич. Но здесь, в этой комнате, среди этих людей мне не нужны красивые слова. Мне нужны факты! Кто поджог покои Петры? Кто знал о тех странных свойствах огня, которые я видел своими глазами? Кто стоял за этим, если не ты?

Барон молчал, опустив глаза к полу.

— Я правда не знал, что Петра погибла... — наконец проговорил он.

Карл потянулся в карман фрака и извлек оттуда пергаментный свиток. Подойдя близко к барону, он что-то прошептал ему на ухо, и засунул в карман пиджака сверток.

— Тогда я отдаю тебе долг и забираю свое! В память о моей сестре! О безвременно ушедшей герцогине Богемской — Петре Милович! — громко произнес Карл, протягивая барону тряпичную куклу — Она уже здесь, и теперь всегда будет с тобой! До конца твоих дней она будет неотступно следовать за тобой и сводить с ума! Ты и твой род до четвертого колена будете навсегда обречены на боль и страдания! Имя герцогини Петры Милович роковым образом изменит твою судьбу!!!

Наталья Константиновна отпрянула назад и, схватившись за шею, зашлась в жутком кашле.

— Будьте вы прокляты, фон Збрах!!! Весь род до четвертого колена!!! Прокляты!!! — прокричал Карл.

На этих словах огромное зеркало в гостиной треснуло и покрылось мелкими трещинами. Гости ахнули и бросились на помощь хозяйке. В поднявшейся суматохе никто не заметил исчезновения таинственного незнакомца. Лишь Ксения Альдербанская заметила, что мужчина бросил на пол какую-то карточку. Подойдя ближе, она наклонилась и рассмотрела карту из колоды Таро. На ней был изображен скелет в черных доспехах, восседающий на бледном коне и несущий с собой черное знамя.

«Смерть», — прошептала она, и слово прозвучало не как приговор, а как ключ к чему-то давно запертому в памяти. Не та смерть, что приходит с годами и усталостью, а та, что врывается в дом с грозой, ломает судьбы и оставляет после себя выжженные комнаты и пустые взгляды.

*Санкт-Петербург.
Наши дни.*

Варвара Звездицкая, нахмурившись, изучала документы, сидя в просторной гостиной. Напротив нее расположилась худошавая женщина неопределённого возраста, с высоким пучком волос на голове. Губы её были покрашены алой помадой, а изобилие золотых украшений на шее и пальцах скорее свидетельствовало о моветоне, чем об утончённости образа.

— Варвара Алексеевна, для Вас данное завещание стало новостью? — произнесла женщина, медленно растягивая слова.

— Пожалуй, да. Тамара Львовна хоть и была мне родственницей, но, тем не менее, мы практически не поддерживали с ней связь.

— Тем не менее, волеизъявитель указал Вас в качестве наследницы своей квартиры. Я Вас поздравляю! — женщина причмокнула губами и замолкла.

По улице медленно проехала поливальная машина, разбрызгивая воду по проспекту. Варвара провела пальцем по краю листа, будто пыталась нащупать в сухих юридических формулировках хоть намек на чувства, которые двигали Тамарой Львовной, когда та подписывала завещание. Но бумага была холодной и безмолвной, только ровные строчки, печати да размашистая подпись, уже едва различимая от времени.

— Квартира, — тихо повторила Варвара, словно пробуя слово на вкус. Оно звучало непривычно, почти чуждо. — И больше ничего? Ни писем, ни личных вещей в описи?

Нотариус чуть приподняла бровь.

— Только недвижимость. Все остальное, по всей видимости, было распределено при жизни. Или... — она сделала едва уловимую паузу, — или утрачено, или находится в самой квартире.

Варвара кивнула, не глядя на собеседницу, перед ее глазами замелькали картинки прошлого. Тамара Львовна являлась двоюродной теткой ее матери, покинувшей этот мир задолго до того, как Варвара превратилась во взрослую девушку. Девочке было семь, когда ее мать умерла от тяжелой болезни. Оставшись на попечении бабушки, она оказалась отрезана от общения с близкими родственниками. Ирма Николаевна души не чаяла в своей внучке и буквально душила ее заботой. Чрезмерная опека с годами стала накладывать отпечаток на характер девушки. Все больше замыкаясь в себе, Варя с нетерпением ждала совершеннолетия, мечтая вырваться из оков бабушкиной любви. Время расставило все по своим местам гораздо раньше, чем предполагала Варвара. Бабушка умерла накануне ее совершеннолетия, и девушка осталась совершенно одна. Однажды, поздним осенним вечером, коротая сумерки на просторном подоконнике, Варвара вспомнила, как они с матерью навещались к Тамаре Львовне. Девушка помнила ее образ и моменты, проведенные в компании старой тетушки. Тамара Львовна жила на Петроградской стороне, в старинном доме с потрясающим видом. Маленькая Варя любила подниматься по крутым ступеням парадной, останавливаясь в каждом пролете. Великолепные изразцы и лепнина манили ее к себе. Девочка завороченно трогала пальцами стены, пытаясь наощупь услышать истории тех, кто жил здесь когда-то. Тамара Львовна по обыкновению встречала их на лестничной клетке, широко раскинув руки для объятий. Потом они направлялись в гостиную, где пили ароматный чай с клубничным пирогом. Подобные встречи были частыми, но после смерти мамы все прекратилось. Лишь один раз девочка сказала бабушке, что хотела бы пойти в гости к Тамаре Львовне, на что та сильно разозлилась и в негодовании вышла из комнаты. Тогда-то она и поняла, что их встречи с родственницей были тайными и, что бабушка никогда не должна была узнать о них. После смерти Ирмы Николаевны Варвара отыскала дом, где жила Тамара Львовна, но квартира оказалась пуста. Соседи рассказали, что тетушка здесь давно не живет и квартира простаивает взаперти. Нового адреса, к сожалению, никто не знал. Прошло много лет с тех событий, и поэтому новость о том, что квартира на Петроградке завещана ей, застала Варвару врасплох.

— Когда я смогу... — Варвара запнулась, подбирая слова, — осмотреть квартиру?

— Хоть сегодня, — сухо ответила нотариус, шелкнув замком папки. — Ключи у управляющего домом, адрес указан в документах. Но предупреждаю: помещение не осматривалось несколько месяцев. Говорят, хозяйка в последние годы редко туда навещалась.

Варвара посмотрела в окно, поливальная машина уже скрылась за углом, оставив после себя влажный блеск асфальта и запах сырой пыли. Город жил своей обычной жизнью — торопливой, равнодушной, не замечающей ни чужих завещаний, ни внезапных наследств. Проводив нотариуса, Варвара опустилась на край дивана и в задумчивости принялась крутить локон на палец. Судьба Варвары сложилась более чем удачно. Она вышла замуж за подающего большие надежды студента юрфака Николая Остапова. Спустя время его имя узнал весь город, и теперь он являлся едва ли не самым известным адвокатом Северной столицы. Немного поразмыслив, она набрала номер мужа и приложила телефон к уху. Долгие гудки, сменившиеся потом на короткие и частые, сообщили, что Николай занят. Привычно вздохнув, она набрала другой номер.

— Марьяша, привет! Я не отвлекаю тебя?

— Ни в коем случае, Вареник! Я как раз отмыла руки от глины и теперь созерцаю свой новый кувшин, — послышался ответ.

— Верю, что вновь получился шедевр! Ты не могла бы мне уделить немного времени? У меня есть новость, и я могу к тебе приехать, чтобы поделиться ей!

— Уже варю кофе, моя дорогая!

Глава IV

Санкт -Петербург.

1913 г.

Поместье князя Альдербанского.

Ксения поспешно стянула с себя нижнюю юбку и, облачившись в домашнее платье, присела к секретеру. Осторожно выудив с нижней полки пачку бумаг, она с интересом принялась изучать их. Едва слышный стук в дверь оторвал ее от дум. Вздвогнув, она быстро вернула бумаги на место и, захлопнув секретер, повернула ключ в замке.

— Ксения, ты еще не спишь? — послышался голос отца по ту сторону двери.

— Нет, папочка, входи.

Дмитрий Романович горделивой походкой прошёл в комнату дочери и, остановившись посередине, едва заметно повёл носом.

— Ты снова жгла эти свечи?

— Да, папуля, это полынь. Очищает пространство от дурного воздействия.

— По-моему, в последнее время ты стала очень впечатлительной.

— Как мне не быть такой? После именин Генриха и дня не прошло, чтобы я не думала о том происшествии, — громко воскликнула юная княжна.

Князь прошел к окну и опустил в мягкое кресло.

— Не бери в голову! Какой-то городской сумасшедший просто решил напугать барона. Ты же видела его, он не от мира сего.

— Нет, барон назвал его по имени. Он знает этого человека!

— Я не слышал этого, — нахмурившись, ответил Дмитрий Романович. — Но даже если это и так, то нас это не касается, возможно, это какие-то их семейные дела.

— Просто это выглядело так жутко, — Ксения закатила глаза и перекрестилась, — Надеюсь, семья барона не пострадает.

Князь отстраненно смотрел в окно, затем повернул голову в сторону прикроватной тумбы и протянул руку к дагеротипу.⁴

На нём была изображена молодая женщина, державшая на руках младенца. Женщина смотрела в объектив строгим и в то же время теплым, любящим взглядом. Девочка на ее руках широко улыбалась, сложив ручки на пышных оборках платья.

— Уже семнадцать лет прошло... — задумчиво проговорил князь, поглаживая тонкими пальцами коричневую бумагу, — ... как Мария навсегда осталась такой.

— Ты сильно скучаешь по маме? — спросила Ксения, присаживаясь у ног отца.

— Безусловно, а как иначе? Я не ношу траур, но в душе я все тот же безутешный вдовец. Я очень люблю твою маму и не могу себя ни с кем делить.

— Она мне часто снится, — невпопад сказала Ксения, всматриваясь вдаль.

За окном бушевала летняя гроза. Над поместьем нависли черные тучи, и вода буквально низвергалась потоками.

— В ту ночь стояла такая же погода. На дворе был май, и Мария очень любила грозовой воздух. Он всегда пропитан свежестью; в такие минуты кажется, будто вся планета омылась от грехов и снова сияет в чистоте и благоденствии. Я зашел в ее спальню. Она лежала на высоких подушках и смиренно смотрела в окно. Она ничего не говорила, просто лежала и молчала. Я сел подле ног и взял за руку. Я не хотел верить, что она угасает, но болезнь победила. Увы, я не застал последних минут ее жизни, — с горечью проговорил он, — но я был с ней рядом. Когда утром я открыл глаза, Мария уже отошла ко Господу. Доктора предупреждали, что бремя и роды, за ним следовавшие, могут убить ее, но она настояла. Она дала тебе жизнь, Ксеньюшка, и с тех пор ты мое единственное сокровище. Ксения прижалась к отцу, уткнулась лицом в жесткую ткань его камзола, вдыхая знакомый запах лаванды и старой бумаги. Запах, который всегда ассоциировался у нее с безопасностью. Слезы подступили к глазам, но она сдержала их, не хотела, чтобы отец видел, как дрожат ее ресницы.

— Прости, папочка, — прошептала она, голос чуть дрогнул. — Я не хотела беречь старые раны. Просто сегодня все так навалилось... этот незнакомец, его взгляд, эта карта... Мне вдруг стало так страшно!

Дмитрий Романович крепче обнял дочь, провел ладонью по ее волосам, аккуратно, чтобы не растрепать локоны, собранные в тугую косу.

— Не извиняйся. — Тихо сказал он. — Горе не исчезает со временем, оно просто учится жить тише. И страх тоже. Он приходит, когда мир показывает свои острые края. Но мы с тобой знаем, что даже в самой темной буре есть просвет. Помнишь, как мы прятались в библиотеке, когда ты была совсем крохой, а гроза гремела так, что стекла звенели? Ты прижималась ко

⁴ *Дагеротип- фотография на медной посеребренной пластине, полученная прямым способом фиксации изображения в камере без использования негатива. (Примеч. авт.)*

мне и шептала: «Папа, пусть молния не ударит в наше окно». А я отвечал: «Она и не ударит. Потому что это наше окно, и наш дом. И он нас бережет».

Ксения слабо улыбнулась, вспомнив тот вечер: тяжелые тома на полках, запах пыли и воска, и ощущение, что пока отец рядом, никакая буря не сможет их достать.

— Я помню. — Ответила она. — Тогда мне казалось, что если держаться за твою руку, то ничего плохого не случится.

Князь чуть отстранился, взял ее лицо в ладони так, как делал, когда она была маленькой и разбивала коленки, и посмотрел прямо в глаза.

— И сейчас это так, Ксенья, — твердо произнес он. — Я здесь, и я не позволю ни буре, ни чужим страхам, ни даже самым жутким картам разрушить наш покой.

За окном снова ударил гром, и на мгновение комната погрузилась в полную темноту. Только на миг, пока молния не высветила все вокруг резким, неестественно ярким светом. В этом свете дагеротип на тумбе будто ожил: молодая женщина на нем смотрела не в объектив, а прямо на Ксению.

— Знаешь, — прошептала она, — мне кажется, мама сейчас тоже смотрит на нас. И она бы сказала: «Держитесь друг за друга. Остальное приложится». Дмитрий Романович улыбнулся грустно, но тепло, и в этой улыбке было столько любви, что на секунду даже гроза за окном показалась не угрозой, а просто шумом, который скоро утихнет.

— Она бы именно это и сказала, — согласился князь. — Твоя мама была мудрой женщиной. Она знала: самое сильное оружие против тьмы, это не меч и не магия. Это любовь, та, что не дает нам сломаться.

Он снова притянул дочь к себе, и они посидели так еще немного, слушая, как дождь барабанит по крыше, как ветер воет в трубах, как дом отвечает буре своим тихим, надежным скрипом как — будто и правда шепчет: «Я держу вас. Я не дам в обиду».

— Я очень хочу, чтобы ты была счастлива, и чтобы никто не посмел навредить твоей судьбе. Но меня печалит одно... — сказал вдруг князь.

— Папенька, Вы опять за свое? — Ксения своенравно повернула голову в сторону отца.

— Послушай! — строго заявил отец, — Меня несомненно печалит тот факт, что ты холодна к Генриху. Он души в тебе не чает, а ты не намерена дать ему хотя бы шанс. Я, конечно, мог бы настоять и ответить на его будущее сватовство добром, но я слишком люблю тебя и не хочу, чтобы ты прожила жизнь с нелюбимым человеком. Я готов принять твой выбор, если партия будет выигрышной. Скажи, есть ли кто на сердце у тебя?

— Нет, папенька, никого нет на сердце, — моментально слукавила Ксения. — Моя душа открыта к любви, но Генрих... я уверена, что он предназначен для другой.

— Понимаю тебя, однажды я тоже пошел вопреки воли родителей и разрешил себе стать счастливым. И никогда об этом не жалел, — откровенничал князь.

— Тогда давай уговоримся? — весело проговорила Ксения и в волнении прошла в угол комнаты.

Она сложила руки в молитвенном жесте и с мольбой посмотрела на отца:

— Мы больше никогда не вернемся к разговору о Генрихе, тем более мы с ним все уже обсудили. Надеюсь, фон Збрах не обидится на нас, и этот факт никак не повлияет на вашу дальнейшую дружбу!

— Обещаю, моя милая! — улыбаясь, ответил Дмитрий Романович, поднимаясь на ноги, — Но час уже поздний, и пора отходить ко сну. Я желаю тебе ярких снов и безоблачного счастья!

— Спасибо, папенька! Но ты обещаю мне не грустить! У нас с тобой впереди много счастливых дней!

Князь молча кивнул и быстрым шагом покинул комнату. Ксения, выждав несколько минут, снова бросилась к секретеру. Откинув крышку, она вновь достала бумаги и, прижав их к

груди, сладостно зажмурила глаза. Это были письма которые прячут от всех, на верхнем листе Ксения узнала почерк матери. «*Моя дорогая Ксюша, если ты читаешь это, значит, время пришло...*» — пробежала она глазами первые строки и тут же прижала письмо к губам, словно хотела удержать вместе с бумагой и мамин голос, его интонацию, и ту самую мягкость, с которой Мария всегда к ней обращалась. Она развернула еще один лист, это оказалась не записка, а набросок карты поместья, испещренный пометками и стрелками. В углу стояла короткая фраза: «*Если станет страшно — иди туда, где тени длиннее всего. Там правда не сможет тебя обмануть*». Ксения нахмурилась, всматриваясь в линии, надеясь разглядеть за ними не просто дорожки сада, а путь к разгадке того, что творилось вокруг. Карта была старой, края истрепались, чернила поблекли, но смысл оставался четким и пугающим: мама будто знала, что однажды дочери придется искать убежище не в отцовских объятиях, а в тайных закоулках их дома. За окном дождь наконец стих, и в комнате повисла особенная тишина. Ксения прислушалась: в коридоре тихо скрипнула половица, потом еще раз. Кто — то ходил по дому, осторожно, будто не хотел быть замеченным. Она быстро сложила бумаги, спрятала их под вышитую накидку на кресле туда, где отец вряд ли станет искать, и подошла к двери. Приложив ухо к дереву, она замерла, ловя каждый шорох.

— Кто там? — тихо, но твердо спросила она, и собственный голос прозвучал в тишине неожиданно громко. Ответа не последовало.

Только снова скрипнула половица, уже ближе, будто кто — то остановился прямо напротив двери. Ксения отступила на шаг, сжала кулаки, стараясь унять дрожь. Она вспомнила слова отца: «Я здесь. Ты в безопасности». И вдруг поняла, что он не мог обещать этого навечно. Он мог быть рядом только до тех пор, пока сам оставался невредим. А если угроза подкрадется и к нему? Она снова метнулась к секретеру, нащупала в потайном ящичке маленький серебряный медальон, тот, что мать велела ей носить, «*когда станет слишком темно*». Ксения застегнула цепочку на шее, ощутив, как холодный металл коснулся кожи, и на мгновение закрыла глаза, представляя, что мамина рука все еще поправляет застегжку, а тихий голос шепчет: «*Ты сильнее, чем думаешь*». В этот момент дверь чуть приоткрылась, и в щель заглянул дворецкий, держа в руках поднос с чашкой горячего шоколада.

— Княжна, — тихо произнес он, слегка наклонив голову. — Его сиятельство велел передать, чтобы Вы не сидели в темноте и не тревожились. Он распорядился принести вам шоколаду. Ксения кивнула, принимая чашку, и улыбнулась заботе отца.

— Спасибо, Петр Ильич, — прошептала она. — Скажите... Вы ничего странного не замечали в доме в последнее время? Никаких посторонних... или будто кто — то ходит, когда все должны спать?

Дворецкий чуть нахмурился, и в его взгляде мелькнуло что — то, похожее на колебание, казалось он хотел сказать правду, но боялся напугать ее еще сильнее.

— В старом крыле, — негромко произнес он, — иногда слышится скрип. Говорят, это ветер гуляет по пустым комнатам. Но я... я сам пару раз видел тень у лестницы. Там кто — то стоял и смотрел на меня, а когда я подошел то там никого не было. Ксения крепче сжала чашку, чувствуя, как тепло фарфора понемногу прогоняет холод внутри.

— Не говорите ничего отцу. — Попросила она. — Он и так переживает, пусть думает, что все в порядке.

Петр Ильич медленно кивнул.

— Как скажете, княжна. Но и Вы... не ходите по дому одна. Особенно в старое крыло. Там давно никто не живет, и стены... они помнят слишком многое.

Когда дворецкий ушел, Ксения снова подошла к окну. Дождь закончился, тучи расступились, и сквозь прорехи в облаках пробивался бледный свет луны. Сад внизу лежал темным, неподвижным пятном, и только ветка дуба слегка покачивалась, как — будто кто-то задел ее

и скрылся в темноте. Ксения прижала ладонь к стеклу и посмотрев на медальон, таинственно улыбнулась.

Санкт-Петербург.

1913 г.

Петербургская сторона. Квартира барона фон Збрах.

Наталья Константиновна, по-прежнему бледная и уставшая, утопала в подушках на широком супружеском ложе. В руках она сжимала белый платок, периодически поднося его к глазам. Задумчивый Владимир Николаевич сидел на краю кровати и смотрел себе под ноги.

— Володя, мне страшно, что все это значило? Ты знаешь этого человека?!

— Знаю, — едва слышно отозвался барон. — Он действительно брат Петры?

— Да, это Карл. Я едва узнал его. Я помнил его еще мальчишкой, на нашей свадьбе.

— Володя, я понимаю, что это дела давно минувших дней, и я простила тебя еще когда впервые переступила порог этого дома. Но зачем он явился сюда теперь? Что значили его слова?

— Я не знаю, моя дорогая! Я правда не знаю, что произошло с Петрой, как только она покинула этот дом! — неожиданно для самого себя он повысил голос и тут же осекся. — Я больше никогда не видел ее, не пытался найти! Да ты и сама все знаешь! Но, судя по всему, с ней произошел несчастный случай, за который они винят меня! — продолжил Владимир Николаевич. — И он явился, чтобы нам отомстить??? — в ужасе воскликнула баронесса. — Но мы ни в чем не виноваты! Генрих! Наш мальчик! Он может пострадать!

— Нет, с Генрихом ничего не случится! — решительно ответил Владимир. — Отвечать придется только мне. Я обманул ее, предал, не рассказал о нашей с тобой связи. Я обманул и ее и тебя. Я предатель своей же любви! Я запутался, вы обе мне были дороги, и я не знал, как выпутаться из этой ситуации! — в сердцах проговорил он.

— Что же делать сейчас? Мне он показался странным, у него был очень жуткий взгляд и зловещее поведение, будто он не совсем человек.

— Он набирался сил...

— Что это значит? — баронесса откинула одеяло с ног и быстро села.

— Семья Петры увлекалась оккультными науками. Ее отец и старший брат слыли чародеями и входили в некий тайный кружок.

— Получается, они колдуны? — не веря своим ушам, проговорила Наталья Константиновна.

— В некотором роде да. — Кивнул барон. — Возможно, Карлу передал силу Аугуст, и под его наставничеством он начал свою миссию возмездия.

— Нам срочно нужна колдунья, которая разберется в этом! — воскликнула баронесса и тут же принялась тереть виски, силясь вспомнить того, кто бы мог им помочь.

— Петербург — место силы! — продолжал Владимир. — Я несколько не удивлен, что Карл оказался здесь. Сам город благоволит к магии и чертовщине.

— Кукла! — прокричала баронесса. — Кукла!? Она ведь не горела!?

— Возможно, здесь как раз и нет никакой магии, наверняка кукла была пропитана веществом, которое не вступает в контакт с открытым огнем. Это нужно будет еще проверить, но пока не об этом, — ответил барон, — меня насторожила только тринадцатая карта. Миловичи хорошо владеют искусством Таро.

— Откуда ты знаешь о колодах Таро? — удивленно спросила Наталья Константиновна.

— Петра много рассказывала о них. Она и сама изучала одну из старинных колод Висконти-Сфорцы. Во время своего путешествия по Италии она увлеклась трактовками этой колоды. Карты были известны еще в начале XV века и носили характер скорее игральных, нежели предсказательных. Позднее они трансформировались в гадальные, и повальное увлечение магией достигло своего предела. Но та карта, брошенная Карлом, она из другой системы. Я узнал ее по элементам, изображенным на ней. Это новая колода Райдера-Уэйта. Ее издали три года назад, и она уже набрала сумасшедшую популярность. Во всех уважающих себя светских салонах дамы теперь раскладывают не пасьянс Ленорман, а именно эту колоду. Мистер Артур Уэйт всколыхнул мир приспешников оккультизма. Наталья Константиновна с силой сжала платок.

— Карты... — повторила она, и голос ее дрогнул. — Ты хочешь сказать, что он не просто бросил ее, чтобы напугать? Что в этом есть какой — то расчет? Какой — то... знак?

Владимир Николаевич кивнул, не поднимая глаз. Он по-прежнему смотрел на свои руки, на перстень с темным камнем, который когда — то подарила ему Петра. Камень сейчас казался не украшением, а печатью, клеймом, напоминанием о том, сколько всего он не успел сказать и сколько всего сделал не так.

— В Таро нет случайностей, если их использует тот, кто понимает систему, — тихо произнес он. — Тринадцатая карта — это не просто «смерть» в буквальном смысле. Это конец одного этапа и начало другого. Разрыв, трансформация... или возмездие. Карл не стал бы выбирать ее наугад. Он хотел, чтобы я понял: прежняя жизнь, какой я ее знал, кончена.

Баронесса вздрогнула, как от сквозняка, хотя окна были плотно закрыты.

— Но зачем? Зачем ему делать это так... театрально? С грозой, с этими ожогами, с этим ужасным взглядом?

— Потому что он хочет, чтобы страх стал частью ритуала, — мрачно ответил Владимир. — Чтобы мы не просто боялись за себя, а чувствовали, как рушится сама ткань привычного мира. Для людей вроде семьи Петры страх это проводник, ведь через него легче открывать нужные двери.

Наталья Константиновна резко выпрямилась, откинув волосы назад.

— Тогда мы должны опередить его, — твердо сказала она, и в ее голосе впервые за вечер прорезалась прежняя воля, та, что когда — то помогала ей держать в узде и слуг, и своенравных гостей, и даже самого Владимира в его худшие дни. — Если это магия, значит, ей можно противостоять. Нам нужен тот, кто знает эти правила лучше Карла. Не какая —нибудь деревенская знахарка, а настоящий мастер.

Барон наконец поднял голову и посмотрел на жену. В его взгляде мелькнуло удивление и облегчение. Он привык видеть Наталью нежной, заботливой, той, кто сглаживает углы и бережет его от бурь. Но сейчас перед ним сидела другая женщина. Собранная и решительная, готовая встретить опасность лицом к лицу.

— Все будет хорошо! — мягким голосом сказал Владимир Николаевич. — По-другому быть и не может. Мы забудем это досадное недоразумение, и жизнь пойдет в прежнем русле. Нам нужно постараться не думать об этом и не притягивать дурных мыслей.

— Почему он сказал, что эта кукла будет преследовать тебя? От нее нужно срочно избавиться, и если она не горит, значит ее нужно похоронить под землей! — засуетилась баронесса. — Где она? Наталья Константиновна в волнении вскочила на ноги и подошла к бельевому шкафу.

— Она там. — Барон безучастно махнул рукой в сторону комода. Баронесса выдвинула верхний ящик и извлекла оттуда кусок пергамента. Аккуратно развернув его, она посмотрела на предмет, лежавший внутри. Игрушка была облачена в наряд из двух фартуков, перевязанных спереди и сзади, и белую блузку. В светлые волосы были вплетены разноцветные ленты, выбивавшиеся из-под белоснежного чепца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.